Наша остановка

Автор:
Лора Джейн Уильямс

Наша остановка

Лора Джейн Уильямс

Любовь и другие хэппи-энды

Надя садится на этот ранний поезд в метро каждое утро… ну, почти каждое утро. За исключением дней, когда просыпает. Или выпивает слишком много вина в гостях у подруги. Или что-нибудь еще.

Дэниэл не пропускает этот ранний поезд никогда – просто у него бессонница. А еще он неравнодушен к Наде, но стесняется подойти. Стесняется настолько, что решает обратиться к «прекрасной незнакомке» через объявление в газете.

Но есть ли шанс познакомиться таким старомодным способом в современном мегаполисе, с его быстрым темпом и шумным метро, с его неоновыми огнями и непременными стаканчиками кофе по утрам?

В мегаполисе, где так легко разминуться и разъехаться навсегда…

Лора Джейн Уильямс

Наша остановка

Laura Jane Williams

OUR STOP

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers ltd.

© Laura Jane Williams, 2019

© Перевод. М. Новикова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Надя

«Черт, черт, черт!»

Надя Филдинг неслась вниз по эскалатору к станции метро, и подошвы ее новых босоножек громко шлепали под ногами. Тот, кто не сторонился ее, услышав поток ругательств, был бесцеремонно оттолкнут в сторону – а такое случалось почти на каждой ступеньке. Надя проклинала себя за то, что вообще когда-то зашла в Инстаграм, и проклинала блогершу, создавшую с убогими черными босоножками настолько элегантный – и практичный! – образ, что отказаться от покупки оказалось невозможно. Она уже натерла себе мозоль. «Чтоб тебя, @whiskyandwhimsies, – думала Надя. – Пусть твоя следующая спонсированная поездка на Амальфитанское побережье будет провальной».

Кофе едва держался в руке, сумка соскальзывала с плеча, солнечные очки отказывались держаться на голове – сущий хаос, но Надя должна успеть к половине восьмого. Начался первый день Нового Порядка, Который Изменит Ее Жизнь, и этот Новый Порядок не предусматривал опоздания на поезд.

Надя старалась изо всех сил. В последнее время она все больше превращалась в «сову» из «жаворонка» (а если подумать, она знала людей, которые могли выполнить «недельный план» до завтрака!), чаще и чаще нажимала на будильнике «отложить» по утрам – и это потому, что спать ложилась за полночь,

а вечерами засиживалась с Эммой и Габи (но у нее же разбито сердце! а вино так хорошо помогает!). Она приходила на работу вовремя лишь раз в неделю, обычно по понедельникам. Надя благодарила Господа, что живет одна в квартире матери и ей не нужно ни с кем снимать жилье, – а это значит, во сколько бы она ни встала, очередь в ванную ей не грозит.

Понедельник – вечный Новый Старт, но стоило Наде вечером залипнуть на Нетфликсе, как настрой понемногу сбивался. Она была очень сознательна утром – и до ланча тоже. А вот вечера понедельника все портили. И ничего с этим не поделаешь. Рабочая неделя оказывалась такой мучительно долгой… Надя всю жизнь старалась бороться с собой. Она постоянно была на пределе, и это до смерти надоело. В статье вездесущего «БаззФида» это называлось «Миллениальным выгоранием». Но не сказать, чтобы Надя растрачивала себя на какие-то великие дела – нет, но недавно она всего за три недели разделалась с семью сезонами «Хорошей жены». Однако, к сожалению, за умение выпивать и смотреть на американских адвокатш, одетых в невозможно короткие юбки и бросающих дерзкие реплики на проявления шовинизма, денег не платят. Таким образом, в жизни творилась какая-то неразбериха. До этого дня. Сегодня – первый день ее новой жизни.

Пресловутый Новый Старт не должен сбить настрой Нового Порядка, Который Изменит Ее Жизнь, – очевидно же, сам по себе Новый Порядок просто не может не преуспеть, в отличие от предыдущих попыток. В этот раз все будет по-другому. Надя стала на ступеньку выше прежней себя. Теперь она женщина, которая заготавливает еду на всю неделю и хранит ее в «Тапервере»; женщина, которой не приходится за неделю до отпуска менять загранпаспорт по непомерной цене, вместо того чтобы еще тремя месяцами ранее заметить, что его срок годности истек; которая не теряется при виде сложного бланка на почте. Теперь она будет дамой компетентной и уверенной во всем. У такой женщины все вещи отутюжены и аккуратно сложены в шкафу – ей не приходится в спешке гладить сморщенное платье из «энд Азер Сторис» за пять минут до марш-броска к автобусу. Когда этот план обернется реальностью, Надя станет сигнальным огоньком ЗОЖа. Больше «Намасте»[1 - Намасте – индийское и непальское приветствие; на занятиях йогой учителя обычно таким образом приветствуют свою группу. – Здесь и далее: примеч. пер.] вместо «нама-спать». Она бы была самой Гвинет Пэлтроу Стамфорд-Хилла, только с зубами чуточку хуже.

– Простите! Извините! – кричала она не кому-то конкретному, а всем сразу на бегу, уже приближаясь к платформе. Сама Надя обычно ненавидела людей, которые толкали ее по пути в метро или на автобусную остановку, как будто только им одним важно прибыть куда-то вовремя. Уже не раз она срывалась на подобных спешащих криком: «Извиняю!» Но сегодня, этим утром, она сама была той эгоисткой, прорывающейся сквозь толпу, и у нее не оказалось времени сокрушаться по этому поводу. Новая Надя была погрубее прежней, но, черт возьми, она и более пунктуальная! (Она вдруг вспомнила пронзительное сопрано школьной учительницы английского, распевающую: «Прийти раньше – значит прийти вовремя; прийти вовремя – значит опоздать… А опоздания совершенно неприемлемы!»)

– Подожди! Нет! – завизжала Надя. Всего четыре шага отделяли ее от поезда, и она, бежавшая со всей возможной скоростью, успела бы внутрь вагона, если бы кто-то, игнорируя правила пользования общественным транспортом Лондона, придержал двери. – Стой-стой-стой! – Ее голос достиг такой высоты, что только дельфины смогли бы ее услышать. Как в замедленной съемке, вытянулась вперед рука, отодвинула дверь, и Надя влетела внутрь; очки «Рей-Бэн» упали на глаза, затемнив все вокруг и временно лишив возможности видеть. Ну наконец-то. Удалось.

«Еще немного практики, – самодовольно подумала Надя, пробормотав “спасибо” и заняв единственное свободное место, прихлебывая кофе, – и я добью эту новую рутину». Требовалось немало усилий и самопохвалы, но спустя целых полтора часа Наде было приятно осознать, что пока она следует всем наложенным новым укладом правилам. Девяносто минут по плану – в любом случае это лучше, чем девяносто минут провала.

Новый Порядок, Который Изменит Ее Жизнь, включал еще несколько пунктов, помимо прибытия на платформу точно к половине восьмого утра, чтобы успеть на поезд от Энджела к Лондон-Бридж. И вот они:

• Спать не менее семи часов в сутки и ложиться не позже одиннадцати ночи – а это значит, что в одиннадцать нужно уже все выключить и закрыть глаза, а не засесть на три часа, упорно просматривая все новости в Инстаграме и Твиттере. Закономерно, что после такой ночи так трудно встать по будильнику. А потом она еще удивляется, почему у других людей жизнь куда проще и чудеснее, чем у нее.

• Подъем в шесть утра, пятнадцать минут медитации, а после – зажечь соевую свечу и собираться на работу в спокойствии и безмятежности, в манере Опры или, может, герцогини Сассекской.

• Вместо покупного тройного экстрабольшого капучино, именно из-за которого, Надя не сомневалась, у нее и выскакивают прыщики (она слышала в трейлере документального фильма о гормонах, содержащихся в молоке), варить «пуленепробиваемый кофе» и переливать в многоразовую переносную кружку. Она узнала о «пуленепробиваемом кофе» от голливудской звезды, делившейся секретами своей жизни и ведущей прямые трансляции в Инстаграме: она добавляет пресное масло в утренний эспрессо для регулирования пищеварения и энергетики. («Это как делать зеленый смузи с ванильным мороженым», – заявила мама в своем имейле, на которое Надя, к сожалению, не смогла научно-обоснованно возразить. «По крайней мере, я забочусь о природе, готовя с собой кофе в “КипКап”» – ответила она, удивляясь, однако, тому, что в чем-то мама, может быть, и права.)

• Верить в любовь. Лишь потому, что ее Ужасный Бен оказался действительно ужасным, нельзя разочаровываться во всех мужчинах на свете.

Надя также планировала отныне приходить в офис раньше всех. Она работала в компании, занимающейся разработкой искусственного интеллекта – развивающейся технологии, которая могла принимать решения самостоятельно и таким образом заменить людей в простейших сферах деятельности – как загрузка полок и расклеивание этикеток на коробки; а в будущем должна и вовсе сама вести все работы на складах компании. Надя намеревалась теперь всегда по-быстрому просматривать разработки прототипов за предыдущий день перед собраниями, которые за шесть-семь минут отрыва ее от основной работы способны сбить концентрацию и довести до слез или истерики (последнее зависит от дня цикла).

Однако утреннее довольство собой не продлилось долго. Поезд резко остановился, и во время глотка кофе из «КипКапа» пролился прямо на подол светло-голубого платья и просочился на бедра.

«Черт», – выругалась она снова, будто она, женщина во главе команды из шести человек, зарабатывающая 38 тысяч фунтов в год и имеющая две степени, не знает других слов.

Подруга Эмма называла зависимость Нади от кофе «регулировкой состояния». Ей требовался кофеин, чтобы нормально функционировать. Надя простонала, ругая себя за то, что теперь весь день придется ходить в грязной одежде. Ей сильно недостает изысканности – разве та же проклятущая Меган Маркл позволяет себе испачкаться в завтраке?

Надя достала телефон и написала лучшей подруге Эмме, в надежде на поддержку этим понедельничным утром.

«Утречко! Не хочешь на неделькe глянуть новый фильм с Брэдли Купером? Так в моем дневнике была бы хоть одна запись о чем-то волнующем…»

Она сидела в ожидании ответа. В поезде было жарко, даже в такую рань, и по шее с затылка потекла капелька пота. Почувствовав неприятный запах, Надя обеспокоилась, не исходит ли он от нее.

Надя, притворившись, что кашляет, украдкой приподняла плечо и наклонилась к подмышке. От нее пахло антиперспирантом. Она что-то читала о том, что дезодоранты могут вызвать рак груди, и пробовала несколько недель пользоваться «кристаллом»[2 - Натуральный дезодорант из алюмокалиевых квасцов в виде прозрачного камня.] как натуральной альтернативой, но Эмма неясными терминами втолковала ей, что он бесполезен. Теперь Надя была на сто процентов пропитана аллюминиевым – блокирующим потоотделение – антиперспирантом «Дав» с запахом огурца и зеленого чая.

Успокоившись, она осмотрелась в поисках виновника и заметила группу туристов, дискутирующих над картой, няню с тремя светловолосыми детками и симпатичного мужчину, читающего газету, прислонившись к дверям. Он почти не отличался от моделей с реклам сети «Джон Льюис». Взгляд Нади наконец упал на мокрые пятна под мышками парня, стоявшего перед ней, его промежность была прямо перед глазами. Как вульгарно. Утренние поездки на работу – это как Ноев ковчег, где животные утрамбованы в одно помещение, неестественно близко друг к другу. Совокупность запахов походила на те, что витают субботними днями в «СпортсДирект».

Надя ждала своей остановки, инертно оглядывая вагон и стараясь меньше дышать. Она лениво перевела взгляд на мужчину у дверей – того, что читал газету. «Это мой тип», – невольно подумала она, с интересом и смущением

наблюдая, как сделанные на заказ брюки, танцуя на ветру, облегают его бедра. Зазвонил телефон. Надя отвлеклась на сообщение Эммы и забыла о мужчине.

Глава 2

Дэниел

Дэниел Вайсман не мог в это поверить. Когда поезд остановился на станции «Энджел», она выскользнула из-за угла. Он придержал для нее двери, и дыхание перехватило – прямо как в песне Тэйлор Свифт о безобидном начале, счастливом конце и любви, предначертанной самой судьбой. Конечно, Дэниел не настолько сентиментален. Но он всегда становился немного странным, взволнованным и слащавым, когда думал о ней. Она сильно на него влияла и Дэниелу нелегко было удержать полет фантазии.

Он постарался взглянуть на нее со своей позиции у дверей – она пробралась к центру вагона. Дэниел видел лишь ее голову. Ее волосы всегда были в беспорядке, но не так, будто она не следила за собой, а так, словно она только что пережила какое-то приключение или возвращалась с пляжа. Наверняка, это явление как-то называлось, но Дэниел не знал такого слова. Что он знал наверняка – так это что она явно в его вкусе. Так неловко: во время каждой рекламной паузы во время показа «Виллы страсти» была девчонка, очень похожая на нее, и если бы через некоторое время Дэниел не увидел ее вживую (проклятая реклама!), она стала бы пределом его мечтаний. Как же стыдно, в самом деле.

«Вилла страсти» – летнее комедийное реалити-шоу, полное романтики и соблазнения. Дэниел вел себя так, будто ему жутко надоело, что всегда в девять вечера начинается это шоу, и он по чистой случайности в 20:58 оказывается перед широким экраном телевизора в большом кресле гостиной с чашечкой чая. Лоренцо, его сосед по квартире, делал вид, что не замечает совпадения, и они по вечерам, довольные, вместе смотрели телевизор. Никто не произносил этого вслух – и по поведению Лоренцо тоже ничего нельзя было сказать, – но оба хотели остепениться и найти себе пару и поэтому смотрели ежедневное шоу, демонстрирующее реальные отношения. Дэниелу это помогало повысить самоуверенность, он воспринимал это как урок. Прошлым вечером один паренек,

очевидный неудачник, наконец нашел свою любовь. И вот настал такой момент и для Дэниела. Он не хотел быть неудачником. Из-за этого шоу ему казалось, что он должен попробовать с этой женщиной. Просто чтобы посмотреть, что получится.

Дэниел не мог не восторгаться такому совпадению. Какова вероятность, что она пройдет прямо перед его носом тем же утром, когда опубликовали его заметку? Они едут в одном поезде, в одно и то же время – и это уже череда случайностей, сегодня – не первый день. Дэниел заставил себя дышать глубже. Он сделал это – разместил объявление в «Упущенных контактах» – и, может, оно привлечет ее внимание. Но внезапно его охватил страх: вдруг она узнает, что это он? Что, если она рассмеется ему в лицо и обзовет неудачником? Глупым мечтателем? Что, если она расскажет всем на работе – на ее работе или на его, – как он жалок и как только посмел предположить, будто подходит ей? Возможно, она запустит настоящий флэшмоб в Твиттере или разместит его фотографию в Инстаграме. С одной стороны, Дэниел знал, что она слишком хороша, чтобы поступать так жестоко. С другой же стороны, голосок в голове нашептывал ему, что именно этим все и обернется. Он помотал головой в надежде прогнать эти мысли. Любовь сводила его с ума. Неужели он действительно влюблен до безумия?

«Это не любовь, приятель, – сказал ему Лоренцо, даже не потрудившись отвести взгляд от телика. – Ты просто хочешь ее трахнуть».

Дэниел не хотел ее «просто трахнуть». Все совсем не так. И возможно, не стоит вот так пялиться на нее издалека. Это как-то странно. Просто, ну… Добиваться женщины, как бы удивительно это ни звучало, немного сложнее, чем кажется. Едва он мог попытаться подобраться к ней, неспешно, словно поездной маньяк, как она притворится, будто подошла ее остановка, и выйдет, чтобы проскользнуть в другой вагон. И что-то подсказывало ему: если хочешь соблазнить женщину, не стоит размещать о ней объявление в газете и воровато выслеживать ее по Мургейту – не очень-то это этично. Дэниел старался быть романтичным и в то же время сохранить лицо. И надеялся, что пока хорошо получается.

В его фантазиях все развивалось так: читая газету, она увидит объявление, немедленно поднимет взгляд и заметит его у дверей, как и было написано, – их глаза встретятся, она робко улыбнется, а он подойдет и скажет: «Привет». Это «Привет» стало бы их началом. Прямо как в кино. Но в этом кино их не разделяла

бы пятерка испанских туристов, окруживших карту, и однородный гомон толпы не прерывался бы время от времени объявлениями вроде неправильно произнесенного «Лейзестер-сквер». Твою мать. И где она? Боже, все это – сущий кошмар.

Поезд остановился на платформе Лондон-Бридж, и Дэниел наконец увидел ее: она спешила сквозь толпу к выходу, а момент, который он себе представлял, моментально померк перед глазами. Никакой вспышки света, и весь мир не замедлился, когда их глаза встретились (не как причина, а как следствие). Она едва взглянула на него, когда он придержал ей дверь и помог запрыгнуть в поезд – она очень спешила, была чем-то озабочена, а «спасибо» прозвучало как небрежный выдох, когда она пробежала мимо. Стараясь не отставать от нее, Дэниел понял, что разочарован и в себе, и в самой ситуации. Он неделями представлял этот день, а в результате… ничего.

Она внезапно остановилась, уткнувшись в телефон, посреди шагающей толпы, но не мог же и он замедлить шаг, не говоря уж о том, чтобы остановиться рядом. Поэтому Дэниел прошел дальше и подождал ее у выхода. Он не знал, зачем. Наверное, просто чтобы ее увидеть. Чтобы вновь посмотреть на нее в этот особенный для него день, напомнить себе, что все происходит по-настоящему, что она – настоящая, и пусть все пошло не по плану.

Позже, когда Дэниел станет рассказывать Лоренцо, как прошло утро, он упустит этот момент – о том, что он ждал ее. И что он делает? Он ведь не собирался заговорить с ней. В конце концов, она имеет право на то, чтобы он ее не беспокоил. Дэниел снова качнул головой. «Ну давай, приятель, возьми себя в руки», – велел он себе. Дэниел поспешил в офис, сердце бешено колотилось в груди.

Он все испортил.

Он раздавлен.

Она ничего не заметила.

Все было зря.

«Ты проклятый идиот», – ругал он себя, не зная о том, что именно из-за его объявления Надя остановилась среди толпы на платформе.

Глава 3

Надя

«Нэдс, ты только не смейся, но, кажется, это про тебя».

Надя нажала на присланную Эммой фотографию и стала ожидать загрузки, одновременно проталкиваясь сквозь поток пассажиров, направляющихся в противоположную сторону.

На фотографии крупным планом был отрывок из утренней газеты, на полосе «Упущенных контактов» – в разделе, где лондонцы оставляют заметки с характеристиками попутчиков в автобусах или метро, в надежде познакомиться с ними и пригласить на свидание. Надя и Эмма были одержимы «Упущенными контактами». Они вызывали смесь страха и благоговения – так же преследовали свою любовь герои реалити-шоу.

Ритуалы отношений между представителями противоположных полов являлись постоянным источником особой привлекательности для обеих подруг. До того как Эмма получила в распоряжение колонку обозрений ресторанов (для лучшей подруги не найти работы идеальнее, поскольку Надя частенько ходила по приглашениям с ней), она вела рубрику про отношения в еженедельном женском журнальчике, и львиная доля материала для статей набиралась с их вечерних встреч за бокальчиком вина, к которым иногда присоединялась и лучшая подруга Нади по работе – Габи.

Романтика, страсть, секс и отношения очень интересовали подруг, и с самого первого дня их знакомства плохие свидания были самой главной темой для обсуждения. Бывали среди парней и извращенцы – любители фистинга, а также разведенные, на первом свидании с которыми оказывалось, что жена ушла, потому что он «не может, ну знаешь… удовлетворить женщину». Сюда же относились и мужчины а-ля «мы с женой в свободных отношениях, но она не

знает об этом», и типы, которые, поковыряв болячку за ухом, продолжают есть в перерывах на прихлебывание пинты пива.

Однажды Эмма по ошибке ходила на три свидания с парнем, которого отшила Габи за то, что он отказался надевать презерватив, и Эмма узнала об этом обстоятельстве только после того, как сама бросила его… по той же причине. И как-то так вышло, что все трое встречались с рядом парней по имени Джеймс, каждому из которых был присвоен номер: Джеймс Первый, Джеймс Шестой, Джеймс Девятый… Больше всех запомнился Менструальный Пит, друг одного друга. Этому малому нравилось делать женщинам кунилингус во время месячных, и подруги единогласно решили, что у него, должно быть, недиагностированная железодефицитная анемия.

Надя, Габи и Эмма обсуждали их всех, пытаясь собрать пазл сущности представителей рода мужского. Ну кроме одного из них – он написал, что «по крайней мере в ближайшие пять лет будет слишком занят, чтобы обременять себя подружкой», так что Надя даже отвечать ему не стала. Эта «загадка» не стоила решения. Надя не хотела иметь дела с мужчинами, которых надо обучать любезности.

Надя задавалась вопросом, поменяется ли что, если одна из них выйдет замуж – станут ли они и дальше обсуждать друг с другом свои постельные и любовные отношения. Она надеялась, что это неизменно. Надеялась, что даже если спустя пятьдесят лет отношения с гипотетическим партнером останутся по-прежнему романтичными, с огоньком и страстью, она захочет обсмаковать все подробности с подругами. Как она слышала из подкаста Эстель Перель, это очень важно. Для женщины, у которой с отношениями как-то не сложилось, Надя тратила огромное количество времени на поиски любви.

Фотография Эммы наконец прогрузилась, и Надя прочитала:

«Невероятно хорошенькая блондинка с Северной ветки с черной дизайнерской сумкой и пятном кофе на платье. Ты садишься в поезд в 7:30 на станции Энджел, всегда от ближайшего к платформе эскалатора, постоянно спешишь. Я тот парень, что стоит у дверей твоего вагона. Надеюсь, сегодня – тот самый день, когда ты не проспала. Сходим куда-нибудь выпить?»

Надя остановилась, и женщине позади пришлось обойти ее с бормотанием: «Да Господи Боже».

Надя перечитала заметку.

«Невероятно хорошенькая блондинка с Северной линии с черной дизайнерской сумкой и пятном кофе на платье». Она развернулась, чтобы посмотреть на поезд, из которого только что высадилась. Он уже отошел. Нащупала на своем платье коричневое пятно от кофе. Взглянула на свою сумку. И ответила Эмме в «ВатсАппе»: «!!!!!!!!!» – печатая одной рукой. И добавила: «Хм… То есть, лол, но вдруг?!»

Немного подумав, снова напечатала: «То есть шанс же невелик, да?»

Надя обдумала все вновь, получше. Они с Эммой даже не были уверены, что «Упущенные контакты» на самом деле существуют. А значит, первая реакция пролетела мимо цели. Наде и Эмме было не важно – то ли это креативное упражнение недельного стажера в газете, то ли фантазия незнакомца, почувствовавшего мимолетное влечение к попутчице в метро, – все равно весело. Прямо как в песне «Savage Garden» – он знает, что влюбился в нее раньше, чем повстречал.

Это романтично в стиле: «Ты словно холст, на котором я могу написать все свои надежды и мечты».

В стиле: «В фантазиях нет проблем, и потому они лучше реальной жизни».

И: «Наша любовь будет не такой, как у всех».

«Упущенные контакты» – нечто куда более романтичное, чем поиски знакомств в Бамбле. В моменты, когда одна из них сомневалась в существовании любви, вторая вспоминала Тима, брата Эммы. Он по работе уехал в Чикаго на пару недель и воспользовался приложением для свиданий, чтобы познакомиться с местной девушкой в надежде, что та покажет ему окрестности и, может, не откажется даже немного развлечься. Так Тим познакомился с Диной. Легенда гласит, что когда Дина отошла в уборную, Тим вышел из сети, удалил приложение, а после в течение трех месяцев перебрался в Чикаго, чтобы жить с

ней. Этой весной они поженились. «Чудеса случаются, – сказал Тим в своей речи. – Я по всему миру искал тебя, и вот ты здесь – ждешь меня в центре Чикаго, за ресторанным столиком у окна».

Написала Эмма: «Вопрос: этим утром ты щеголяешь с кофейным пятном и успела ли на поезд в 7:30? Сегодня понедельник, так что осмелюсь предположить, что да».

Надя с резкостью ответила, что наряд – большое грязное пятно от жирного кофе явно выделялось – она, очевидно же, испачкала по пути на работу.

Но ей подумалось… в самом деле, миллион женщин на Северной линии могли облиться кофе и ходить с такой же модной сумкой, которую члены семьи урвали на распродаже в дизайнерском магазине. И никто никогда не успевает ничего вовремя – не в Лондоне. Толпы хорошеньких блондинок – невероятно хорошеньких блондинок – скорее всего просыпают свой утренний поезд изо дня в день. И да, она никогда не замечала, что на станции Энджел ближе к платформе всегда инстинктивно переходит к левой стороне эскалатора и до конца идет пешком. И кто еще так делает? Да сотни! Или тысячи? В конце концов, это самый длинный эскалатор лондонского метро и каждый день перевозит огромное количество людей.

«Ну хорошо, – ответила Эмма, поставив сердечки в начале и конце сообщения, – в таком случае нас ожидает небольшое расследование, ага?»

«Не смеши, – напечатала Надя. – Это точно не я. Но я благодарна всем женщинам, которые не в состоянии выпить в поезде кофе, не пролив часть на себя. Мне приятно, что я не одна такая, лол».

«И все же могла быть и ты», – не унималась Эмма.

Надя обдумала эту мысль и написала: «Серьезно, вероятность – процента два, – и добавила: – Раз уж на то пошло».

А потом ее точно громом ударило: мужчина у дверей, с газетой в руках… Там и правда стоял мужчина! А что, если это он написал? Должно быть, какие-то мужчины постоянно стоят у дверей вагона, читая газету. И все же парень у двери, ежедневные поездки на работу, газета в руках… процент вероятности

значительно повышается. Надя осмотрелась в поисках мужчины, который ехал с ней в вагоне. Она даже не могла вспомнить, как он выглядел. Блондин? Нет. Брюнет? Но определенно красавчик. Боже…

Надю захлестнуло странное ощущение надежды, однако вместе с тем она понимала, что надеяться на подобное – не очень-то феминистично. С какой стати ей ждать появления загадочного незнакомца, который предложит встречаться и сделает ее счастливой? Ведь так?

Но в день Нового Порядка, Который Изменит Ее Жизнь, Надя решила поверить, что удача на ее стороне. А если удача действительно улыбнулась ей, то, вполне возможно, сообщение было для нее, а тот парень не окажется не уверенным в себе неудачником. Ужасный Бен, ее последний бойфренд, для мужчины имел слишком хрупкую душевную организацию: он был манипулятором и всегда винил во всем ее – твердил, что Надя не права, до тех пор, пока полностью не растоптал ее самоуверенность. Это сильно ранило ее, ведь за полгода отношений с ним она почти поверила, что с ней что-то не так. Надя до сих пор не понимала, зачем так поступать: сначала признаваться в любви, а потом начинать ненавидеть все, из-за чего это признание было сказано. Она лишь недавно начала приходить в себя.

Надю бросило в дрожь от плохих воспоминаний. С момента расставания она думала об Ужасном Бене каждый день, но одновременно благодарила небеса за то, что этот кошмар наконец закончился. Она поверить не могла, что позволила себе терпеть такое отношение. Изредка она в режиме инкогнито переходила на его Инстаграм-страничку под предлогом проверить, по-прежнему ли он остается тем же невыносимым надменным засранцем. Да, он не менялся.

Теперь, спустя несколько месяцев после их разрыва, Надя зализала раны и нуждалась в эмоциональной разрядке. В романтическом десерте. В человеке, который занял бы ее мысли. В мужчине, который хорошо бы к ней относился. Звучит так, словно ее планка предельно низка. Возможно, объявление Нади в газете выглядело бы примерно так: «Ищу мужчину: он должен относиться ко мне так, будто я ему действительно нравлюсь».

О, да кого она пытается обмануть? Вот какой была бы ее заметка: «Разыскивается: мужчина с крепким самосознанием, способный поддерживать веселые, здоровые отношения с матерью. Романтик, любящий реалити-шоу, способный защищать и поддерживать партнершу в течение всей жизни в обмен

на взаимность. Также он должен понимать, как важны в отношениях кунилингус и пицца – не одновременно, конечно. При этом на первом месте я, на втором – пицца».

Разве она хочет слишком многого? Надя подумала о Тиме и Дине. Конечно, она тоже имеет право на счастье.

«Два процента все же больше, чем ноль, – напечатала в ответ Эмма. – Так что – на старт!»

Надя рассмеялась, завершая свой подъем по эскалатору, освещенному вверху ярким летним утренним солнцем. «Как скажешь», – написала она подруге, а сама подумала: «Но я бы не осмелилась и надеяться».

– Эмма мне уже написала. – Габи поймала Надю на одиннадцатичасовом перерыве на пути в вестибюль. Там в мобильной кофейне на колесах варили потрясающе ароматный эспрессо. – И я тоже считаю, что речь шла о тебе.

– О боже мой! Познакомить вас двоих было худшим поступком в моей жизни, – засмеялась Надя и обратилась к парню за прилавком: – Двойной эспрессо, и разбавьте горячей водой, пожалуйста.

Габи состроила гримасу.

– А что случилось с утвержденным законодательно суперогромным стаканом капучино?

– Я меняюсь. Утром попробовала сделать себе пуленепробиваемый кофе в надежде, что он поможет регулировать баланс сахара в крови и все такое. Видишь прыщики на подбородке? Это предостережение. Думаю, причина в том, что я пила слишком много молока. Знаешь, оказывается, оно содержит коровьи гормоны, а они вредны для человека. Так что вот, понемногу отвыкаю. Эти мелкие засранцы болят, знаешь ли.

Надя вытянула шею, чтобы взглянуть на свое отражение в стекле небоскреба, в котором они работали. Она стеснялась своего акне. В дни особо обильных

высыпаний она старалась одеваться в темное, чтобы казаться менее заметной. Вот бы ее повсюду и всегда окружал фильтр, как в Инстаграме, – выкладывая сторис, она использовала сетевые смягчающие фильтры, и кожа выглядела значительно лучше. Она пробовала все, чтобы избавиться от противных красных пятен на подбородке и по линии челюсти, в том числе и пожертвовала ежедневным капучино.

– Так что, – добавила Надя, – я экспериментирую.

Она поблагодарила баристу, и подруги пошагали от кофейни к лифтам «Рейнфореста» – дома для двух тысяч сотрудников в сфере Исследований и Развития. И они работали на компанию, по всему миру доставляющую что угодно – от книг до чистящих средств для туалетов или мраморных плит. Именно здесь Надя работала над развитием искусственного интеллекта. Габи была ее Лучшим Другом Навсегда. Два года назад они повстречались на летней вечеринке и все время спустили на обсуждение ИИ и его роли в Плохом или Хорошем Будущем: что, если они разработают технологию, которая станет воплощением злодея из фильма ужасов? Габи работала над так называемыми облачными вычислениями, крупнейшим генератором доходов компании, продающим хранилища данных для налоговой информации всем – от стартаперов до Секретной разведывательной службы. Надя не очень-то это понимала, но знала, что Габи раз в тридцать ее умнее, и опасалась половины сотрудников из ее отдела.

– В любом случае, рассказать тебе о Порядке, Который Изменит Мою Жизнь? – Надя нажала кнопку вызова лифта. – Потому что… ну не знаю. Кажется, я наконец-то освободилась от Ужасного Бена и хочу переключить свою энергию на что-то еще. Чувство такое, будто у меня только что закончился траур. Ну или, скажем так, на выходных я вернула свой талисман. – Лифт прибыл. – И сегодня стараюсь четко следовать Новому Порядку. С этого момента я серьезно отношусь к своему благосостоянию и душевному здоровью.

– Это замечательно!

– Спасибо!

На кнопке лифта загорелась цифра «0», и двери открылись. Подруги вошли внутрь, и Надя нажала кнопки нужных этажей.

– Знаешь, если хочешь немного поднять уровень эндорфинов, сходи завтра утром на спин-класс.

Надя закатила глаза.

– О нет! – продолжила Габи. – Не делай такое лицо. Это здорово. Там довольно темно, инструктор скандирует позитивные аффирмации, а тебе приходится кричать, потому что музыка играет так громко, что тебя никто не слышит.

Надя покачала головой, наблюдая, как цифры этажей сменяют друг друга во время движения лифта. Спиннинг – худший из ее ночных кошмаров. Она пережила только одно занятие «СоулСайкл», когда ездила по работе в Лос-Анджелес, и потратила сорок пять минут на велосипеде рядом с Эмили Ратаковски, поражаясь, как такая хрупкая женщина может так быстро крутить педали. Это невероятно раздражало.

– Однозначно нет. Я не занимаюсь спортом по утрам. Мне хватает и вечерних изматывающих тренировок, пусть в заднем ряду и едва держась на ногах, но я выкладываюсь на полную. Только психи тренируются до обеда.

– Ух, ну хорошо. Кстати, мы отклонились от темы разговора.

– А я уж понадеялась, что ты забыла.

– На самом деле описание очень тебе подходит.

Надя вскинула брови – вполовину весело, вполовину иронично.

– Серьезно! Без преувеличения, ты симпатичная блондинка, периодически опаздываешь на работу и проливаешь на себя напитки. И, – Габи вдруг словно обратилась к источнику мудрости, – сегодня начинается Новый Порядок, Который Изменит Твою Жизнь! Собственно говоря, именно в такой день подобное и случается. Как будто сами звезды сошлись. Сегодня – отличный день, чтобы влюбиться.

– Не пойму, ты всерьез или просто дразнишь меня.

– И то и другое, – невозмутимо ответила Габи.

Надя снова добродушно закатила глаза, боясь выдать себя.

– Эмма говорит, ты можешь разместить ответное объявление.

– Да я просто дурачусь. Если решу написать ответ, значит, это объявление меня зацепило. Хотя на самом деле… я не уверена. Часть меня не может его игнорировать. Но вторая часть твердит, что я безумна, раз уделила этому больше двух секунд своего времени.

– А у тебя есть идея, кто мог это написать? Если, конечно, заметка о тебе. С тобой ездит в одном поезде ежедневно какой-нибудь симпатичный парень?

Надя посмотрела на подругу:

– Это же Лондон! Тысячи симпатичных мужчин всегда и повсюду! А когда они открывают рты, то становятся на двести процентов менее привлекательными, потому что они… ну, мужчины.

– Ты оптимист по жизни, я смотрю.

– Я реалист.

– Любая женщина, защищающая свое сердце, говорит именно так, – сказала Габи с притворной улыбкой.

Надя что-то ответила, но в душе знала, что Габи совершенно права. Надя часто ловила себя на том, что стрижет всех мужчин под одну гребенку, беря в расчет только худшие их качества, и ведет себя так, будто ей никто не нужен. Она допускала, что действительно защищала себя, по крайней мере вслух. Но на самом-то деле Надя, провозглашая, какие мужчины свиньи, в то же время надеялась, что Парень Из Поезда не такой. Или уж, на самый худой конец, есть где-то на свете хороший парень. Все утро ее не покидала фантазия о том, что объявление было адресовано ей. В мечтах она видела его в поезде, влюбляясь и поддаваясь желанию, где-то на Северной линии между работой и домом. Надя хотела этого. Сказать по правде, хотела так сильно, что становилось немного

страшно.

Лифт остановился на этаже Габи, и Надя вышла вместе с ней, чтобы закончить разговор. Она всегда так делала, когда ехала вместе с подругой.

– Хотя кое-какой нюанс все-таки есть, – сказала Надя. Габи развернулась и посмотрела на нее, ожидая продолжения. – Ну, один момент не укладывается у меня в голове. Если этот парень видит меня в поезде каждый день, то почему просто не подойдет и не скажет «Привет»?

Бекки из отдела администрирования прошла мимо по пути к МФУ[3 - Многофункциональное устройство – устройство, сочетающее в себе функции принтера, сканера, факсимильного устройства, копировального модуля.], и Надя прервала разговор, ощутив поток воздуха.

– Привет, Бекки! – поздоровалась она.

– Отличные босоножки! – бросила в ответ Бекки и скрылась за углом.

Надя продолжила:

– Зачем выдумывать детальное описание и размещать его в газете, в надежде, что я (или кто-то еще; это могла быть и не я, как мы установили) его вообще увижу?

– Это же весело! – ответила Габи. – И мило! – И, подумав еще немного, добавила: – К тому же, если бы какой-то незнакомый человек подошел к тебе в метро, ты честно уделила бы ему время?

– Нет, – улыбнулась Надя. – Я бы решила, что он фрик.

– Я тоже.

– Ух! – выдохнула Надя. – Знаешь, я просто стараюсь умерить свои романтические ожидания. Не знаю даже, смогу ли выдержать еще одно первое свидание…

Она поморщилась от отвращения, вложив в свой недовольный вздох множество эмоций, полученных на целой серии свиданий за короткий срок. Но несмотря ни на что, сердце екнуло. Когда первое свидание складывалось удачно, в душе рождалось самое волшебное, самое обнадеживающее в мире чувство. Чувство, будто боги улыбаются ей, будто она узнала себя в другом человеке. Как-то она слышала, что от настоящей любви нельзя «потерять голову», потому что такая любовь пускает корни в твоем сердце, и вы вместе растете вверх, становясь выше и сильнее. Надя видела, как что-то подобное возникло между ее мамой и отчимом, когда ее родной отец ушел от них. Давняя коллега и подруга, Наоми, тоже познала это со своим мужем Каллумом. Непосредственная начальница на первой работе, Кэтрин, была самой харизматичной и невозмутимой женщиной, под чьим началом Надя когда-либо имела честь работать, и Кэтрин часто говорила, что добилась всего на работе благодаря поддержке дома. Все они твердили, мол, с самого начала знали, что встретили человека, с которым хотели бы провести всю жизнь, и решались строить серьезные отношения вместе. Тим тоже говорил так о Дине.

– Нет, ты не вынесешь еще одно плохое первое свидание, – поправила подругу Габи. – Но что, если это первое свидание окажется последним первым в твоей жизни, поскольку пройдет невероятно хорошо?

Надя была благодарна Габи, что та направляет ее фантазии в более романтичное русло, ведь ей доставляла большое удовольствие мысль о возможности повстречать любовь всей жизни через объявление в газете. И мысль о том, как они потом станут смеяться над этим и всегда останутся едины в оценке больших жестов и рисков. Но внезапно закралось подозрение: в отношении любви Габи обычно скептична и толстокожа и всегда бахвалится тем, что ходит на множество свиданий с разными мужчинами и ни в одном из них не нуждается. Ей не свойственно убеждать кого-то поверить в сказки о вечной любви.

– С чего это вдруг ты стала такой романтичной? – спросила Надя, прищурившись. – Тебе полагается быть моим циничным другом.

Габи уклонилась от ответа, пожав плечами, и спросила:

– Над чем сегодня работаешь?

– А теперь кто-то меняет тему!

– Не умничай тут, Филдинг.

Надя в уме сделала себе заметку попозже понаблюдать за Габи и ее внезапной мечтательностью. Что-то в ней изменилось, это точно. Однако Надя была замужем за своей работой, и возможность поговорить о ней тешила ее тщеславие.

– Грядет решающий момент для опытных образцов в центре обработки и выполнения заказов. Недавнее разоблачение в газете сильно подкосило курс акций, так что Джон хочет как можно скорее избавиться от всех нынешних сотрудников и дал задание кадровикам разогнать отдел. Дерьмовая ситуация для людей, которые пока даже не знают, что к Рождеству останутся без работы…

– О, жестко. Очень жестко, – заметила Габи.

– Да, мне так не по себе. Я создаю роботов, которые займут их место… ну, это мучит меня, понимаешь?

Двери лифта со свистом открылись, и, заметив, что он едет вверх, Надя вошла внутрь.

– До скорого? – спросила Габи.

– До скорого, – ответила Надя. – Я бы, может, устроила мозговой штурм в поисках идей, куда им всем потом пойти работать? Так хочется помочь.

– Конечно! – сказала Габи и добавила: – Как насчет ланча на этой неделе? В среду? А то завтра у меня назначена встреча. Мы сто лет не гуляли в Боро. А еще мы не закончили разговор об «Упущенных контактах».

– Переставай обсуждать с Эммой мою личную жизнь!

Надя слышала хихиканье Габи, даже когда лифт тронулся.

Глава 4

Дэниел

– Приятель, ты сходил по ней с ума несколько месяцев! Сегодня великий день!

Лоренцо позвонил ему на работу, хотя Дэниел и просил так не делать. Лоренцо ненавидел свою работу, ему было скучно, и он развлекался тем, что действовал на нервы своему соседу по квартире, изображая занятость на рабочем месте. Работал он в издательстве на северном берегу реки. К тому же был достаточно очаровательным, чтобы убедить секретаря Перси провести звонок, и не важно, что Дэниел озвучил последнему множество подробных причин не поддаваться на уговоры. Лоренцо наслаждался, очаровывая людей с целью добиться своего. Доставать Дэниела в офисе – всего лишь очередной способ самолюбования.

– Все равно она ни хрена ни увидела, – прошипел Дэниел в трубку.

– Можешь заменить определения и отправить его снова, какой-нибудь другой девчонке, тебе приглянувшейся. Побольше удочек забрось, одну рыбешку да поймаешь, – сказал Лоренцо. Дэниел процентов на семьдесят был уверен, что тот не шутит.

Лоренцо утверждал, что хочет отношений, но единственной его потребностью на свидании было лишь, чтобы женщина была жива и поменьше разговаривала. Использовать одну и ту же простую тактику на разных женщинах – очень в его духе.

– Пойди и продай несколько книг, – бросил Дэниел.

– Не будь задницей, друг. Я все еще в упадке.

Лоренцо сидел на кокаине с четверга по воскресенье, и Дэниел этого терпеть не мог. Сосед обещал никогда не употреблять дома, но Дэниелу все равно приходилось мириться с его скачками настроения, когда он то лез на стену, то помирал, развалившись на диване, в течение половины недели, даже если что-то интересное шло по телику, который он смотрел постоянно. Лоренцо был славный

малый, но во многих отношениях выбрал такой образ жизни, который Дэниел едва ли считал правильным. Сплошным разочарованием было наблюдать все это. Они стали соседями из-за объявления, которое Лоренцо разместил на сайте SpareRoom.co.uk, и Дэниел с самого начала подозревал, что с соседом они совершенно разные. Однако местоположение и рента оказались идеальными, так что Дэниел решил пренебречь их различиями, надеясь, что они станут пусть не друзьями, но хотя бы кем-то более близкими друг другу, чем просто два незнакомца, делящие одну квартиру. Они изобрели свою особую игру на двоих, и пока Дэниел играл свою роль, все шло неплохо.

– Мне пора, – сказал он. – Работы много. Увидимся дома.

Лоренцо продолжал что-то говорить, но Дэниел повесил трубку. И секунды не прошло, как зазвонил мобильник. Пришло сообщение от Лоренцо: «Отлично выкрутился, чувак. – Это звучало в стиле Лоренцо. – Знаю, тебя бесит, когда я веду себя как придурок, но ничего не могу с собой поделать».

Дэниел дважды нажал на сообщение и послал в ответ «палец вверх».

Он продолжил лениво просматривать сообщения на рабочем столе, стараясь сконцентрироваться на грядущем дне, а не на минувшем утре. Не получалось. Он не мог перестать думать о ней. Не мог перестать думать об их первой встрече.

Вскоре после кончины отца, почти сразу после Пасхи, Дэниел стал заставлять себя отходить от стола в моменты приступов клаустрофобии, тревожности или при желании поплакать. В горе – слово «депрессия» до сих пор словно застревало в горле и звучало как-то несуразно – прогулки всегда помогают, как сказал его психотерапевт.

Боже. Дэниел поверить не мог, что у него был психотерапевт.

«Используй свое тело, убедись, что ты можешь справиться с миром, прогуляйся по ближайшему парку, хотя бы просто для того, чтобы направить энергию в другое русло», – говорила врач во время одного из сеансов, когда Дэниел рассказал о своих панических атаках, во время которых горло словно что-то сдавливает и он не может дышать.

Ему пришлось платить по шестьдесят пять фунтов за час частного сеанса, поскольку помощи по страховке пришлось бы ждать длинную очередь, а его ситуация была слишком тяжела, чтобы тянуть, он едва мог функционировать. Дэниел задавался вопросом (беззлобно): неужели именно такой помощи стоит ожидать за более чем две сотни фунтов стерлингов в месяц? В любом случае прогулки он совершал по крайней мере затем, чтобы деньги не оказались потрачены зря, и так встретил ее, Надю (конечно, тогда ее имени он еще не знал), шагающую по внутреннему двору к выходу из Боро-маркет. Случайная пятница. Ничего себе. В худший период его жизни, в момент отчаяния появилась эта энергичная увлеченная умная женщина, и ее сила (ее сущность, аура) была подобна солнечному свету, заражающему всех вокруг. Эта энергия оттолкнула его в сторону.

Дэниел точно запомнил день, когда впервые увидел ее, потому что это произошло через две недели после похорон и пять недель после того, как вошел в силу его шестимесячный консалтинговый договор с «Конвердж», нефтедобывающей компанией. В этот день мать позвонила, когда он был на собрании, посвященном дефектам конструкции погружного бура, и Дэниел заранее извинился на случай, если придется к ней приехать, вдруг дело срочное.

– Он здесь, – сказала мать.

– О чем ты, мам? – переспросил Дэниел. – Папа… папа умер, помнишь?

Он задержал дыхание в ожидании, пока она осознает, что ошиблась. Парням в переговорной со стеклянными стенами он показал два пальца, означающие две минуты. Ему нужно только две минуты. Они были нетерпеливы, требовали решения до ланча, с подозрением относились к чужаку, недавно присоединившемуся к проекту, и раздражались, что тот настаивал на ключевом моменте следующих шагов. Дэниелу было все равно. Он хотел убедиться, что с мамой все в порядке. Он бы не вынес, если бы она сошла с ума или потеряла память. Он только что лишился отца – и не мог лишиться еще и ее.

– Дэниел, – спокойно ответила она, – я, черт побери, знаю, что он умер. Речь о его прахе. Его только что подвезли.

Дэниел громко выдохнул от облегчения. Она не сошла с ума. Все в порядке.

– Но он все равно что проклятый мешок мусора! Такой тяжелый, я и с места сдвинуть его не могу. Так и лежит тут, со мной, на кухне, у задней двери. Его прах в большегрузном пакете, и я не знаю, что с этим делать.

Потрясенный Дэниел закрыл глаза и ущипнул себя за переносицу. Прах отца. Отец умер.

– Вот пью кофе и рассказываю ему – твоему отцу – о новой «Воксхолл Мокка» Джанет Петерсон. Они купили золотую, можешь себе представить! Золотую! И кстати, хоть я и говорю «новую», но на деле она просто поддержанная в хорошем состоянии. Машины жрут уйму денег, стоит только выехать за пределы внешнего двора, – в любом случае, мне как-то жутко. Я о твоем отце. Можешь заехать после работы и помочь мне с ним?

Дэниел чуть не рассмеялся. По факту он и посмеялся, сказав маме, что заедет в Илинг-бродвей в районе семи, а она пусть тем временем посидит в гостиной и посмотрит «Свободных женщин» по телевизору. Она так хорошо держалась после похорон, что Дэниел стыдился своей «слабости» на фоне ее стойкости. Он уже почти вернулся на собрание – буквально положил руку на дверную ручку, чтобы открыть дверь, – когда дыхание перехватило, воротник рубашки стал слишком тугим, и возникло едва уловимое ощущение, что его вот-вот стошнит. Его тело в очередной раз вспомнило, что отца больше нет. Его лучшего друга. Его самого активного защитника. Умер от разрыва аневризмы сосудов головного мозга.

Они вместе пили пиво в пабе до воскресного ланча. Отец сказал Дэниелу, что мог бы помочь ему с задатком за квартиру – и это был бы не заем, а подарок. Он хотел видеть сына устроившимся, а цены на жилье в Лондоне поднялись до безумной высоты, и один Дэниел ни за что не справится. Странно это – тридцатилетнему делить квартиру с соседом, сказал отец, ведь сам он к таким годам уже имел жену и ребенка. Дэниел сказал, что подумает, что он немного горд, чтобы принимать милостыню, что совершенно нормально, будучи тридцатилетним, снимать жилье на двоих с соседом в Лондоне – это дорогой город, а Дэниелу нравится компания, нравится жить в Кентиш-Таун. Тем полуднем, прежде чем он успел принять предложение и сказать: «Папа, я тебя люблю, давай выпьем за твою заботу обо мне!», за острым домашним базарганом[4 - Базарган – блюдо на основе пшеницы с перцем чили и другими специями, с поджаренными грецкими орехами и с добавлением меда.] шестидесятидвухлетний папа упал и не встал больше никогда. За один-

единственный час все изменилось и никогда не станет прежним. Дэниел потерял человека, благодаря которому он стал таким, какой есть.

Дэниел дал себе перерыв после телефонного звонка, развернулся и склонил голову, чтобы спрятать лицо, мертвенно-бледное и мокрое от слез. Он пробежал по задней лестнице двадцать три пролета до первого этажа и через запасной выход вышел на улицу. Он стоял, прислонившись спиной к стене и тяжело дыша. Он не заметил, когда отошел оттуда, пока, пропотевший насквозь, не завалился на круглую, освещенную солнцем скамью где-то возле рынка. Сел, закрыл глаза, глубоко вздохнул, давая слезам и поту испариться, и подумал об отце, о том, как сам был одинок, как плохо спал и не доведет ли в итоге бессонница его до безумия.

На скамье он поначалу сидел к ней спиной. Смотрел куда-то в пустоту, просто подставив лицо солнцу, потом закрыл глаза и, глубоко дыша, стал говорить себе, что все будет хорошо. Дэниел бы не назвал это мантрой, но с тех пор как отца не стало, его голос так и твердил: «Выживи и не забывай жить. Выживи и не забывай жить. Выживи и не забывай жить…»

Он едва улавливал этот шепоток через левое плечо, но затем обратился в слух, стараясь поймать более четкий сигнал, словно радиоприемник автомобиля на загородной дороге, и вдруг услышал ясный женский голос:

– …потому что его все равно построят, верно? Так пусть строительством займутся люди из низких слоев общества и из семей с низким доходом…

Слова заставили Дэниела обратить на нее внимание. Он первым из своей семьи закончил университет. Они жили очень скромно. За сорокалетний стаж работы почтальоном его отец лишь три дня отсутствовал на работе, и все ради того, чтобы оплатить обучение Дэниела. Они едва сводили концы с концами, но отцу было важно, чтобы у сына появились возможности, которых сам он не имел.

Женщина продолжила:

– Замена бедняков роботами с искусственным интеллектом возможна только в том случае, если малоимущие люди начнут их программировать.

Будучи инженером, Дэниел кое-что знал об искусственном интеллекте, но не слишком много. «Следующая индустриальная революция», – так заявил один из его профессоров-новичков, но Дэниел больше предпочтения отдавал известным сущностям, таким как математические формулы, уравнения и строительство сейчас, а не когда-то в будущем. Он вытянул шею через плечо, чтобы взглянуть на говорящих. С ней был парень – в брюках без ремня, несомненно сшитых на заказ у портного по точным меркам его бедер, со светлой полоской, выделяющейся на черной ткани, и ботинках, таких сверкающих, что можно было бы увидеть в них свое отражение. Он смотрел на собеседницу как-то искоса. С неестественной улыбкой.

– Я в этом не уверен… – сказал тот парень.

Дэниелу он совсем не понравился. Он как будто относился к тому типу университетских ребят, которым все и всегда дается легко: красавчики с атлетическими фигурами, футболу и регби предпочитающие теннис или лакросс. Они получают весьма средние оценки, но всегда устраиваются на работу уровнем куда выше среднего, потому что их родственники имеют нужные связи и знают, перед кем замолвить словечко. В университете у Дэниела были друзья – хорошие парни, он до сих пор с ними общался, – оказавшиеся не в своей среде, дети простых работяг, и поведение их становилось магическим образом грубее в присутствии мажоров, словно они использовали свое низкое происхождение в качестве щита, помогающего не прогибаться под давлением окружения и не вести себя как люди, которыми они не являются. Маленькое «пошел на хрен» в ответ привилегированным.

Многих богатеев такое поведение развлекало, а парочка даже старалась подружиться с Дэниелом, но ему всегда казалось, что это для них как игра. Их «неумение замечать классовые различия» выражалось в том, что они могли обзавестись другом из семьи рабочих, с иным акцентом произносящим гласные, и тем самым возвыситься в своих собственных глазах. Но любой, родившийся в семье бедняков, знает, что человек, утверждающий, будто бы не в деньгах счастье, не достоин доверия. На деньги можно купить еду, оплатить электричество и заказать новую школьную форму, чтобы ходить без дыр, а за неимением всего этого едва ли возможно чувствовать себя счастливым.

Женщина разговаривала дружелюбно. Она не поддалась эмоциям, объясняя свою теорию этому напыщенному богатею, но она рассердилась. Взволновалась.

– Нужно, чтобы детей из непривилегированных слоев общества обучили должным образом, чтобы они могли направить развитие этой технологии по верному пути. В противном случае кучка богатых людей, принимающих «богатые» решения, продолжит вертеть судьбами миллионов, которым повезло меньше. Буквально говоря, разрыв между богатыми и неимущими достигнет такой крайности, что на минимальный доход последние едва ли смогут выживать. Это отвратительно. Отвратительно! Но у нас, очевидно, есть возможность это исправить.

Дэниелу нравилось то, что он услышал. Он полюбил эту женщину, с ее взъерошенными волосами, красивыми руками, рисовым буррито и большими идеями о социальной ответственности. Он подумал: «Моему отцу она бы понравилась». Дэниел разместился немного под другим углом, чтобы лучше ее видеть.

Ее богатый спутник поднял руки вверх:

– Ладно, ладно. Боже, Надя, ты можешь получить средства. Мы что-нибудь придумаем. Я тебя услышал. – Он покачал головой, смеясь. – Я поговорю с руководством. Дай мне месяцок.

Надя (вот как ее звали!) тоже рассмеялась.

В этот момент Дэниел встал со скамьи, «ЭпплУотч» зажужжали на запястье, напоминая, что через десять минут начнется телеконференция с «Кейп-Таун оффис». Геологи проанализировали структуры поверхности новой стройплощадки, и ему нужно было их мнение, чтобы разобраться с проблемами бурения. Он знал, что не может упустить возможность для компании выйти в профицитный бюджет. Ведь уникальным торговым предложением Дэниела было неизменное: «обещай меньше – делай больше», что в итоге и позволяло ему назначать за свой труд ту сумму, которую он теперь получал. Теперь ему стало значительно лучше. Теперь, когда он знал, что на свете существует такая женщина.

Их взгляды встретились, прежде чем он ушел. Дэниелу показалось, что это стало его самым смелым поступком за последние месяцы. Она была красива и необузданна. Он слегка оступился, шагая прочь от парочки, его ноги подкашивались. Надя даже как будто проводила его взглядом – на деле

смотрела в его сторону не больше половины секунды, что Дэниелу показалось целой минутой, а после снова повернулась к Богатому Парню. У Дэниела возникло ощущение, что его сразили Боги Любви, и, минуя двери офиса, он думал не об отце, а о женщине.

– В ней просто есть это… индивидуальность, – сказал потом он Лоренцо. – А на пальце не было кольца. Я проверил.

Лоренцо рассмеялся:

– Ты впервые такой воодушевленный с тех пор, как это случилось с твоим отцом, друг. Я рад за тебя. – И добавил более приглушенным, серьезным голосом: – Хотя, конечно, ты больше никогда ее не увидишь. Не слишком-то увлекайся.

Глава 5

Дэниел

Когда двумя днями позже подслушанного на рынке разговора Надя села в тот же поезд, что и Дэниел, он в первую очередь поблагодарил Вселенную, или, возможно, отца, или кого угодно еще, оказавшего ему эту ценную услугу, а после наскоро отправил Лоренцо злорадное сообщение.

Она все это время пользовалась поездами Северной линии? (Да.) Почему он только теперь заметил ее? (Потому что затерялся в своем мире, полном горя.) Дэниел знал, что должен что-то предпринять. Он не мог перестать думать о ней и даже вернулся на ту же обеденную точку в надежде, что она ходит туда регулярно, – не сильно постарался, но все же. Конечно, ее там не оказалось. Было слишком оптимистично надеяться снова застать ее там.

У Дэниела сначала возникло чувство, что встреча с ней в поезде – это подаренный ему второй шанс. На следующий день он тоже искал ее, и через день – и потом снова, с жадностью желая и третьего, и четвертого шанса. В метро поезда длинные, а на платформе так много народу, и Дэниел в действительности не мог быть уверен, что она не села в какой-нибудь другой

вагон из множества мчавшихся по метро каждое утро. Она могла сесть на поезд в 7:28, или в 7:32, или в 8, или в 6 утра. Люди не всегда строго следуют расписанию, как он. Во многих отношениях Дэниел был, как говорят психологи, человеком с «анальной фиксацией», строго берег рутину и определенность. Но чтобы Надя проехалась с ним в одном поезде хотя бы однажды? Он решил, что это своего рода знак.

В общей сложности он встречал Надю (хотя на самом деле он еще не решил, как называть ее в мыслях. «Надя» – ее имя, это верно, но называть ее так, не будучи формально представленным, даже в своем воображении обращаться к ней таким образом, казалось ему дерзким. Однако с чего Дэниелу называть ее «женщина из поезда», когда он знает ее имя? Это вызывало смущение, и по большей части он просто представлял ее лицо и никак не называл) семь раз, все в районе 7:30, и всегда у нее был измученный вид, как у работающей женщины с вагоном срочных дел. В трех случаях она ехала с ним в одном вагоне, однажды Дэниел видел ее на платформе Энджела, и трижды – на эскалаторе станции Лондон-Бридж. Дважды ему чудилось, что он замечал ее на территории Боро-маркета, но это оказывалась не она. Просто воображение подсовывало ему образ, который он хотел видеть.

Когда Дэниел встречал ее, она всегда держала в руке телефон. Но не так, как другие пассажиры, – в пути она не слушала музыку через наушники. И если однажды он, как гром среди ясного неба, решит вступить с ней разговор, он знал, что Надя его услышит. Однако Дэниел не хотел испортить свой единственный шанс познакомиться с ней. Не решался просто подойти к ней и заговорить в метро – месте, едва ли располагающем к общению, месте, где даже из-за улыбки тебя могут принять за невменяемого, потому что какой нормальный человек станет улыбаться незнакомцу в метро? Он боялся показаться ей извращенцем. У женщины есть банальное право доехать до работы, не отбиваясь от домогательств мужчин, считающих ее красоткой. Дэниел это знал. Он хотел кивнуть ей в знак одобрения, чтобы она могла выказать ему ответный интерес. Лоренцо первым в шутку заявил, что лучше всего для подобных целей подойдут «Упущенные контакты». Сосед просто дурачился, но, услышав его предложение, Дэниел сразу понял, что именно таким способом хотел бы познакомиться с этой женщиной. Раньше он уже видел, как она читала газету. Это отличная возможность.

– Но почему именно эта женщина? – спросил Лоренцо. – Не понимаю. Ты ее даже не знаешь!

Как Дэниел мог объяснить другу, что прежде всего причиной было чувство?

Глава 6

Надя

– Я что, сумасшедшая? – сказала Надя. – Я никак не могу разместить ответное объявление, потому что первое было адресовано, возможно, даже не мне. Ты только представь. Он ждет, что ответит проклятая Дейзи Лоу, а получает ответ от проклятой меня.

Эмма гоняла по тарелке печеный персик, накручивая на вилку творожную массу из козьего молока с жареным фундуком. Она позвала Надю в «In Bocca al Lupa», потому что да, ей требовалось в срочном порядке написать обзор на этот ресторан, после того как здесь двумя вечерами ранее была замечена за ужином звезда эр-энд-би со своим саудовцем-бойфрендом, так что теперь место моментально попало в список «Куда пойти» и редактор хотел видеть статью о нем уже в субботнем выпуске. А вторая причина выглядела так: «“In Bocca al Lupa” означает “Удачи” по-итальянски. А еще твоя бабушка была итальянка, и тебе нужно немного удачи! Этот обед принесет тебе удачу в любви!» Странная логика, поддающаяся только умственным гимнастикам Эммы, но, признаться, Наде и не хотелось отправляться домой и готовить еду. И если певице с двенадцатью «Грэмми» и полностью распроданным туром вздумается отужинать пятничным вечером едой, пожаренной на костре где-то в Торби, она, черт возьми, не против сделать то же самое в следующий понедельник. Вдобавок это соответствовало бы ожиданиям Эммы. У Нади было нечто вроде правила: никогда не пропускать бесплатный обед. Формально, конечно, в День Нового Порядка, Который Изменит Ее Жизнь, ей следовало бы с маской на лице дома поедать салат и медитировать, но сейчас все это не важно. Она проведет подобный вечер завтра, а понедельник уже и так удался.

– Кстати, – начала Эмма, жестикулируя вилкой, – этот Ужасный Бен. Ну что за козел, правда?

Надя нахмурилась при упоминании его имени и медленно ответила:

– Да.

– Ты заслуживаешь любви, счастья – и вообще всего, что может пожелать твое сердце. Да?

– …Да.

– Хорошо. Тебе придется добиться этого самой. Придется самой научиться строить свою судьбу. И прежде всего ты должна написать ответ – потому что конечно же, это сообщение было для тебя!

Их разговор прервал официант с лучистыми глазами. Он принес лепешки с костными мозгом, чесноком и петрушкой и сказал:

– Комплименты от шефа.

– Спасибо, дорогой, – ответила Эмма.

Она старалась употреблять слово «дорогой» в обращении с обслуживающим персоналом как способ расположить к себе, потому что в среде корреспондентов-обозревателей никто не хотел прослыть надменным и грубым клиентом. Но что важнее, думала Надя, обращение с обслугой (официантами, уборщиками, швейцарами) может многое сказать о человеке. Манеры Эммы всегда были безупречны, независимо от мотивации, и от этого подруга нравилась Наде еще больше.

– О, ты, кажется, рассержена, – заметила Эмма. – Почему?

Она отщипнула немного хлеба и, отправив его в рот, слизнула с пальцев остатки сезонного масла.

– Я не сержусь! – отозвалась Надя, но слишком эмоционально.

Эмма вопросительно приподняла брови. Она замечала перепады настроения подруги лучше ее самой.

– Я не сержусь! Я просто… – Надя сделала большой глоток белого вина. – Просто не упоминай вот так Ужасного Бена, ладно? Это я могу. А ты нет.

– Справедливо, – кивнула Эмма.

– И еще, не обсуждай меня с Габи. Такое ощущение, будто вы обо мне сплетничаете. Я взволнована и напугана, и мне нужно знать, что вы моя команда, а не как будто вы сами по себе.

– Верно, – округлив глаза, сказала Эмма. – Я тебя услышала. Продемонстрируем, что мы все одна команда. Команда Нади.

Надя внезапно почувствовала вину за свои слова. Упоминать разговоры о ней между Эммой и Габи сейчас было не к месту. Подруги доели лепешки и допили вино в молчании. Стоит снять шляпу перед Эммой – она знала, когда помолчать и дать Наде перекипеть. И когда-нибудь – не сейчас, но в будущем, Наде стоит обратить внимание на то, что ее волнует, как сблизились Эмма и Габи.

Первый раз, когда Надя на вечерние посиделки с Эммой взяла с собой Габи, все прошло круто. Эмма по своей природе была довольно ревнива и хотела оставаться единственной подругой Нади. Как единственный в семье ребенок, не привыкший делиться. Но неожиданно между Габи и Эммой, что называется, разгорелся пожар. Надя сидела молчком, пока они сыпали возмутительными историями со свиданий и наперебой флиртовали с официантами. Они никогда не встречались без Нади, но когда она приглашала куда-то одну, другая всегда спрашивала, втроем ли они будут. Надя знала: завидовать тому, что эти двое так сдружились, было по-детски, но… все же. Она завидовала и в последнее время старалась видеться с каждой по отдельности. При этом она не объявила об этом во всеуслышание. Не хотела показаться ребенком в их глазах.

Надя усмирила свое настроение. Когда первое блюдо было съедено, Эмма сказала:

– Я по-прежнему считаю, что ты должна разместить ответное объявление.

Надя смягчилась и расплылась в улыбке. Она знала, что подруга желает ей только самого лучшего.

– Нет! – усмехнулась она. – Думаю, я просто не смогу.

– Но как же ты тогда его найдешь? – не сдавалась Эмма.

– Не знаю! Может, я вообще не хочу его искать.

– Ну, это чушь собачья, – сказала Эмма. – Ты маленькая лгунья! Я точно знаю, что ты врешь. – Она налила им обеим еще вина. – Вижу, когда ты начинаешь выдумывать небылицы. Только посмотри на себя! Весь день писала мне свои «может, это я!», а теперь сидишь такая угрюмая. Ты просто боишься перемен. Я тебя знаю.

– Ой, заткнись, – весело отмахнулась Надя.

– Отныне тебе придется быть настороже. И в полувосьмичасовом поезде, и рядом с эскалаторами. С этого следует начать. Побольше озирайся вокруг. Если сообщение адресовано тебе, ты однозначно заметишь парня, с надеждой смотрящего на тебя с выражением: «Я здесь! Это я!»

Надя захихикала.

– Ну да. Это я могу. – Она покрутила салфетку на коленях. – И… мне жаль, что я нагрубила тебе из-за Бена. Он в самом деле был просто… ужасным. Он прибегал к отвратительным уловкам, чтобы заставить меня сомневаться в себе, считать себя жалкой. Из-за него я потеряла себя. Но я рада, что вляпалась в такие отношения, потому что, мать вашу, я многому из-за них научилась. Но… – Надя рассеянно теребила ткань. – Он уничтожил меня. Умом я понимаю, что любовь существует и не все мужчины такие ужасные, бла-бла-бла… Но тело. Это что-то вроде мышечной памяти или типа того. Я вся напрягаюсь, едва услышав его имя.

– Так бывает, да, – кивнула Эмма с пониманием.

– Напряжение от упоминания кого-то?

– Да. Такая вот мышечная память. Травмы копятся в мышцах, и иногда ты испытываешь боль: ноют старые раны в тканях всего существа.

Надя не совсем поняла. Травмы в тканях ее существа? Ужасный Бен никогда ее не бил и вообще не причинял физической боли. Однако как-то ночью в гневе он навредил себе. Звук удара испугал Надю, и она почувствовала, что если не уйдет, то станет следующей. Все началось со слов, обвинений и пустяковых придирок, но всего за несколько недель Надя обнаружила, что не может нормально дышать рядом с ним, и ее до сих пор не покинуло это ощущение удушья, будто она все еще как-то привязана к нему. Ей было страшно оставаться с ним, уйти – еще страшнее. Она никогда бы не подумала, что станет одной из «тех женщин», но оказалось, что «тех женщин» не существует, есть только «те мужчины».

– Да, знаю, это звучит безумно, но есть штука, которая может помочь твоему телу избавиться от плохих воспоминаний. Правда-правда!

Из-за своей работы в газете Эмма была уязвима для бесконечного потока всякой ерунды. Однажды она посетила тихое экспресс-знакомство[5 - Участники выбирают себе пару из присутствующих на встрече после короткого знакомства со всеми по очереди.], где ей пришлось танцевать с незнакомцем медленный танец, обязательными условиями которого были: единственная точка соприкосновения тел партнеров – один палец, и беспрерывный зрительный контакт. Она потом сообщила, что эти три минуты оказались самыми эротичными в ее жизни. Или другой случай: как-то на новогодней вечеринке она познакомилась с бывшим футболистом, теперь продающим рогалики на телевидении, и он предложил ей тройничок со своей невестой. Эмма согласилась.

– Эмма, если это как-то связано с тем, что в меня будет тыкать пальцем какая-нибудь бабенка перед аудиторией, я тебя убью.

Да, есть еще кое-что в списке проб Эммы: любовные занятия с Йони, на котором гуру в украшенном бисером восточном халате и латексных перчатках массажировала всем участницам вульву. Суть в том, чтобы очистить энергетику и получить глубокий оргазм. И у Эммы случился оргазм на виду у шести зрительниц, заплативших по триста пятьдесят футов за семинар и потом по очереди обнявших ее в знак поздравления.

– О боже, – произнесла Эмма, – я никогда этого не повторю. Знаешь, я думаю, это из-за ее травяной сауны у меня потом опять началась молочница. Нет. Здесь ты просто валяешься на матах в своем «Лулулемоне», и это работает! Моя коллега

Дениз пробовала и сказала, что разревелась на семинаре, а потом будто заново родилась. Вот что реально обновляет энергетику. На самом деле, давай напишу ей и спрошу название?

Надя не знала никого, столь же увлеченного всякой эзотерической бессмыслицей, как Эмма. Но, возможно, именно благодаря этому они так подружились: Эмма вдохновляла Надю на разные эксперименты, а Надя склоняла Эмму к серьезности. Она улыбнулась, наблюдая, как подруга набирает сообщение, и окинула взглядом ресторан. Почти все столики были заняты, и взгляд Нади упал на один из них в другом углу помещения, где сидели парни из Сити. «Он может быть одним из них, – подумала она, удивляясь проснувшейся надежде. – В самом деле, если сообщение было для меня, то написавший его парень может находиться в этой самой комнате».

– Этот парень может быть буквально где угодно, разве нет? – сказала она себе, ровно как и Эмме.

– Говорю же тебе, – откликнулась Эмма, положив на стол телефон экраном вниз, – напиши ему ответ! Тебе нечего терять.

Надя колебалась. Действительно. Терять было нечего. Потому что даже если она напишет и окажется, что послание адресовалось не ей, никто, кроме адресата, не узнает об этом. А они не знакомы. Надя вполне может со смехом ответить, что тоже писала кому-то другому. А если парень окажется серийным убийцей, орудующим топором, живущим с мамой и голосующим за левых, она просто будет отрицать, что вообще что-то публиковала. Или обвинит во всем Эмму. Сделает вид, будто ничего не знает.

Эмма наклонилась к сумке.

– Погоди-ка, – сказала она, шурша своими вещами. – У меня есть идея.

Она с победоносным видом извлекла наружу блокнот и две ручки. Надя наблюдала, как подруга открыла чистую страницу и написала витиеватым почерком: «Объявление для Парня Из Поезда».

– Ты и впрямь решила заставить меня это сделать, да?

– Ага, – ответила Эмма, держа ручку в готовности над страницей. Подошел официант и наполнил бокалы. – Дайте еще бутылочку, пожалуйста, – обратилась к нему Эмма. – Думаю, моей подруге это понадобится.

Надя слабо улыбнулась.

– Итак. Думаю, здесь тебе стоит быть откровенной, – сказала Эмма. – В его сообщении был комплимент, и не слишком слащавый, а довольно милый, верно? Он попал в цель?

– Если писал обо мне, – напомнила Надя.

– Если писал о тебе, то он подобрал верный тон, так?

– Ну, раз уж мы все еще ведем этот разговор и выдумываем послание, то… да. Мальчик написал хорошо.

– Мужчина написал хорошо.

– Мужчина, да, – согласилась Надя, осознав, как приятно подчеркивать эту разницу между мужчиной и мальчиком. Ей двадцать девять. Ей уже следует встречаться с мужчинами. – И еще, я не хочу показаться отчаявшейся, понимаешь? Это важно.

– Ну, ты не отчаявшаяся, в том и дело. – Эмму, кажется, поглотило вдохновение, и она подняла палец вверх, словно возглашая: «Погоди-ка!» – А что насчет… – Эмма принялась что-то быстро черкать, улыбаясь самой себе. Официант принес новую бутылку и поинтересовался, не хотят ли дамы чистые бокалы. Надя ответила, что нет, страстно желая поскорее избавиться от него в максимально приемлемой форме, чтобы посмотреть, что настрочила Эмма. Та протянула Наде листок, где было написано:

«Эй, секси-мачо, твое объявление поразило меня в самое сердце; жду не дождусь, когда ты причинишь мне еще немного боли. Я захвачу хлысты и цепи, а ты не забудь свое ослепительное очарование. В пятницу ночью – подойдет? С любовью, невероятно симпатичная блондинка с поезда в 7:30».

– Тепло, – засмеялась Надя. – Начало определенно неплохое. – Она забрала у подруги блокнот с ручкой и обратила взгляд в окно в поисках вдохновения. На глаза попалась пара, несколькими годами ее старше – плюс-минус тридцать пять лет, – целующаяся взасос под фонарным столбом, точно подростки. Виной тому лето: из-за него люди ведут себя так, словно в эти теплые деньки впервые познали силу страсти, и им кажется, что обмен слюной – забавное времяпрепровождение. Лето снимало запреты.

– Прием! Земля вызывает Надю! – Надя сфокусировалась на Эмме. – Ты что-то писать собиралась, помнишь?

– Да. Извини. Я засмотрелась на ту целующуюся парочку. Кажется, они без ума друг от друга.

Эмма выглянула из-за ее плеча и сказала:

– Иисусе! Я хочу того же.

– Эй, – вспомнила Надя, – а ты с кем-нибудь встречаешься? Что насчет того парня из «Тиндера»? Я немного отстала от жизни. Мои данные не обновлялись целую вечность.

– Медным тазом накрылся, – ответила Эмма. – Почему все мужчины хотят себе и мамочку, и терапевта, и лучшего друга, и группу поддержки – и все в одном теле модели из «Куплес», – а в обмен способны предложить лишь что-то вроде: я никогда никого не убивал и еще, может, смогу приготовить курятину в грибном соусе?

– Мне это в свое сообщение добавить?

– Твой парень похож на романтика! Ну или по крайней мере он точно выше среднестатистического мужика. Из пятидесяти он один достоин усилий, потому что он сам предпринимает усилия. Это такой коэффициент. Один из пятидесяти мужчин достоин того, чтобы его добивались.

– Ладно, ладно. Напишу что-нибудь в ответ. Вот например:

«Я застенчива, часто опаздываю, но я варю отличный кофе и думаю, что ты написал именно мне. Чтобы назвать симпатичной? Я не могу тебя вычислить среди пассажиров, но ты подойди и заговори со мной! Я не кусаюсь. По крайней мере не сразу».

Эмма рассмеялась:

– Это… довольно забавно!

– Да я не совсем всерьез.

– А напрасно! Или вот, смотри:

«Охмури меня, насыть меня, в шестьдесят девятой возляг со мной, незнакомец из поезда. Но сперва дай мне знать, кто ты, лишь скажи мне «привет!». С любовью, невероятная симпатичная блондинка с великолепной прической. (Ты забыл отметить великолепие моих волос в своем объявлении, но ничего. В следующий раз не забудь.)»

– Из-за тебя я выгляжу такой самовлюбленной! ОМГ!

– Пожалуй, ты и есть такая, чуть-чуть. – Эмма пожала плечами.

– За эту прическу я отдаю по двести десять фунтов каждые двенадцать недель. Полагаю, будет преступлением против волос не гордиться ими, разве нет?

– Весьма справедливо.

– Это тяжко, – пожаловалась Надя. – А если мой ответ окажется таким дерьмовым, что он потеряет интерес?

– Воу-воу-воу, подруга, прекращай прямо сейчас! Покорить его – не твоя забота. Это его задача – впечатлить тебя. Кем бы ни был следующий парень, он должен сломать замкнутый круг, ага? И никаких больше улыбочек, уступчивая Надя! Ходи на свидания, как Надя, которую мы знаем! И люби! Буквально, не зацикливайся на том, чтобы произвести на него впечатление. Это ему очень повезет, если он тебя заполучит. Ясно?

– Ясно.

– А если он действительно один из пятидесяти и достоин внимания, то тебе тоже повезет обрести его. Вы будете вместе, и все сложится отлично.

– Хорошо.

– Буквально один из пятидесяти, поняла? Ему придется доказать, что он один из пятидесяти.

– Забавно, если он ищет свою единственную из миллиона.

– Ага. Но такое почти никогда не выгорает. В конце концов, мы просто люди.

В течение часа была заказана третья бутылка вина.

– А че там насчет пофлиртовать? Пофлир-ртовать, – лепетала Эмма, просто чтобы дать Наде знать, что она в такую же стельку, как и она. – Я флиртую лучше всех. Да-да.

Надя кивнула с глубокомысленным видом:

– Ты-то да. Ты точно-точно-точно да.

Она откинулась на спинку стула и улыбнулась подруге, не обнажая зубы, – хмельной улыбкой.

– Мне домой пора бы, – сказала она, подняла телефон со стола и нажала кнопку, чтобы на загоревшемся экране посмотреть время. – Уже почти полночь! А мне ж вставать через… – Она притихла и стала загибать пальцы, чтобы сосчитать, сколько часов пройдет от полуночи до шести утра, – шесть часов!

– Мне нравится твоя фигня с новым порядком, – похвалила ее Эмма. – Я б не смогла так, но что делаешь ты, мне нравится. Проактивно.

Надя кивнула. Веки ее были полуопущены.

– Мне тоже. Я не особо хороша каждый день, но стараюсь.

Эмма заплатила и взяла чек, чтобы возместить потом стоимость. Стараясь выглядеть более трезвыми, чем были, подруги спустились на один пролет вниз к стойке администратора, не проронив ни слова, кроме резкого: «Доброй ночи!» – двум стоявшим за стойкой дамам с угрюмыми лицами, с волосами, убранными в гладкий конский хвост, и в черных коротких платьях.

– «Убер», – сказала Надя, оказавшись на улице. – Мне нужен «Убер».

Она полагала, что может оправдать эту трату тем, что за вечер не потратила ничего, хотя Новый Порядок, Который Изменит Ее Жизнь, ограничивал глупые срединедельные расходы, такие, как, например, на такси. Она платила маме круглую сумму каждый месяц, словно ренту, так что со временем квартира должна была перейти в ее собственность. Но платить нужно больше, если Надя хочет завладеть свидетельством владельца жилплощади до семидесяти пяти. Она порылась в телефоне и вызвала машину.

– Три минуты, говорит.

Надя взглянула на Эмму как раз вовремя: та смотрела куда-то вдаль по улице. Инстинктивно переведя взгляд туда же, она поняла, что подруга глазеет на Габи – «Лучший Друг Навсегда» с работы, – машущую в знак приветствия. Надя перевела взгляд обратно на Эмму, пребывающую в состоянии легкой паники, и крикнула:

– Габи! Это ты?

Габи шла прямо в их сторону и выглядела изумительно. Надя, даже под градусом, поняла, что это наряд для свидания. Но разве Габи не говорила, что ни с кем не встречается?

– Привет, ребят! – радостно поздоровалась она. – А что вы тут делаете?

– Мы просто отправили объявление в газету… для Парня Из Поезда, – ответила Эмма, лучезарно улыбаясь.

Надя поправила ее:

– Ну, не отправили. А написали.

Взгляд Эммы озорно забегал.

– Ага. Как-то так.

Надя вдруг ощутила тошноту и слегка протрезвела.

– Эмма! – бросила она, будто непослушному щенку, написавшему на ковер.

– Нет, – сказала Эмма, не сдаваясь. – То есть да. Нет. Возможно!

Поблизости припарковался белый «Приус».

– Надя? – спросил парень, приспустив окошко, и Надя посмотрела на него, ожидая, когда он скажет еще что-нибудь, и только потом поняла, что это водитель.

– О, я. Это я, – подтвердила она, подставляя для поцелуя щеку сначала Габи, потом Эмме. – Расскажешь мне все завтра? – спросила она Габи, указав на ее платье для свиданий. – Я знала, ты с кем-то встречаешься! – А Эмме пригрозила: – Надеюсь, ты шутишь насчет объявления! Клянусь богом, Эмма!

Эмма улыбнулась как ни в чем не бывало, помогла подруге сесть в машину и захлопнула дверь.

– Ну конечно же, – сказала она, когда Надя опустила окно, чтобы ее услышать. – Я бы не отправила без разрешения.

– Мы тебя любим! – прокричала Габи через открытое окно, обнимаясь с Эммой за талию и помахивая на прощание.

– И я люблю вас обеих, – пробормотала Надя и обратилась к водителю: – Эй, вы не могли бы поставить что-нибудь милое? В смысле музыку. Что-нибудь романтичное. Что-нибудь о любви.

Таксист переключился на радиостанцию, где крутили любовные песни как будто на повторе, и Надя оставила Габи и Эмму в центре Сохо. Голову переполняли мысли о мужчине из поезда, желающего ее, о поездах, дуэтах и газетах. И конечно же она совершенно забыла установить будильник.

Глава 7

Дэниел

Дэниел попросил Перси отметить в расписании как совещание последний час рабочего дня вторника, а сам ушел с работы пораньше. Он направлялся к матери на чай, пребывая в настроении принять порцию заботы. Для нее он навсегда останется ребенком. Он не говорил ей об объявлении – только Лоренцо о нем знал, поскольку ему принадлежала идея. В любом случае, это уже вчерашняя новость. Дэниел хотел забыть об этом. Какой глупый, дурацкий, бессмысленный поступок – не стоило вообще возлагать на него надежды. И теперь он чувствовал себя полным придурком.

По пути к выходу Дэниел шел мимо охранника с бритыми висками, портативной рацией и романтичным именем Ромео. Тот поднял руку, чтобы Дэниел дал ему пять.

– Братишка, мужик, – произнес Ромео, сжав его пятерню в кулак и толкнув плечом в плечо – Дэниел видел такое приветствие у американских спортсменов и рэперов. Но Ромео не был американцем, он родился в Уэстгейт-он-Си. – Как оно

сегодня? Выглядишь крууууто. – Ромео говорил, как кузен из комической сцены в фильме Уилла Смита об ограблении банка, совершенном во имя любви, только был голубоглазым со светлыми волосами, собранными в пучок, и имел степень по ландшафтной архитектуре.

«Выходит, я не особо люблю находиться вне четырех стен», – сказал он как-то по поводу места своей работы, с сожалением пожав плечами.

Дэниел одергивал воротничок, чтобы тот торчал вверх, как у Джона Траволты. Сегодня он надел пиджак к брюкам, который не требуется в офисе и явно не подходит для такой погоды (должно быть градусов десять, чтобы в нем стало комфортно), но он хотел хорошо выглядеть, потому что это поднимало настроение. Ему нравилось чувствовать, что он производит хорошее впечатление, – это подбадривало. А после вчерашнего Дэниелу нужна была поддержка.

– Стараюсь, – сказал он, стараясь рассмешить Ромео. – Стараюсь.

Костюм был темно-синий. Дэниел всегда покупал деловую одежду этого цвета – с двенадцати лет, когда ему купили первый костюм, по настоянию матери, темно-синего цвета. «Потому что леди Ди нравится, когда Чарлз носит этот цвет».

Но Ромео нахмурился, а не рассмеялся.

– Ага, хорош нести чушь, чувак. Что случилось?

На следующий день после похорон отца Ромео нашел Дэниела во внутреннем дворе. Он плакал и ходил кругами, сжимая переносицу, чтобы остановить поток слез и избежать вопросов по возвращении на рабочее место. Дэниел никогда не грубил Ромео, но это для него норма – быть вежливым с охранниками. Он никогда никого не игнорировал на входе, однако дружелюбие не распространялось за пределы ежеутреннего «Здравствуйте». Но после того как Ромео обнял его (двое мужчин, обнимающихся средь бела дня около одного из самых престижных зданий в Лондоне) и посоветовал выпустить эмоции, из-за чего бы они ни возникли… ну… Дэниел стал вечерами на выходе болтать с новым приятелем, когда тот был на смене, чтобы спросить, как прошел день, или обсудить состоявшуюся накануне вечером игру «Арсенала», и на его памяти

не имелось иной возможности послушать о достоинствах семинара по толкованию сновидений, который посещал Ромео. И до сих пор это было любимое время дня для Дэниела. Казалось, что это норма. Казалось, он нашел себе друга.

К тому же Дэниел уважал Ромео за то, что он ни разу не упомянул про его слезы и не попытался выведать причину такого состояния. Он просто продолжал следить за дверью и приветствовать всех мимо проходящих, и это было круто с его стороны, как полагал Дэниел. В самом деле круто.

– Знаешь что… – начал Дэниел – и рассказал Ромео всю историю (он достаточно доверял ему). О том, как встретил эту женщину, о том, как решил, что воспользоваться «Упущенными контактами» – отличная идея, и о том, что сейчас чувствовал себя дураком из-за того, что не сработало. Дэниел думал, что хочет забыть об этом, но нет – он хотел об этом разговаривать, хотел поделиться своей печалью.

– Да ладно! Это офигенно круто с твоей стороны! – воскликнул Ромео. – Здесь, в этой газете? – Он зашел за стойку администратора и порылся в кучке газет, выглядевших как коллекция за прошлую неделю. Он просмотрел их в поисках вчерашней. – А, вот она!

– О боже… – проронил Дэниел, но Ромео уже перелистывал страницы с молниеносной скоростью.

– О, да будь я проклят! – восклицал Ромео. – «Необыкновенно симпатичной…»

– Не зачитывай это вслух! – сказал Дэниел. – Господи! – Он поднял руки в знак капитуляции. Он знал заметку наизусть: трудился над ней три дня, прежде чем решиться и нажать «отправить» в окошке электронного письма. И страдать, выслушивая прочтение в формате монолога от Ромео, он не желал.

Ромео разразился хохотом, и ему едва хватало дыхания дочитать до конца, так что получалось невнятное бормотание.

– Впечатляет, – заключил он, сложив газету и сунув ее обратно. – Очень впечатляет, бро.

– Ну, – сказал Дэниел, – не очень все-таки. Она была со мной в одном вагоне и ни разу не подняла взгляд. Она не читала этого. Она набирала что-то в телефоне!

– А может, о заметке и писала, – предположил Ромео.

– Нет, – ответил Дэниел, – я точно знаю. Она ее не видела. Если б увидела, хотя бы раз осмотрелась по сторонам. – И вдруг его посетила мысль: «Или увидела, но решила, что это не для нее? Может, маловато деталей?» Дэниел опустил руки, сердясь на себя. – Я такой всю неделю, – признался он Ромео. – Нервный и погруженный в себя. Ненавижу это.

Ромео потер подбородок, опершись на стойку.

– Знаешь, я встретил женщину по имени Джулиет в первый день тренинга на этой работе и думал, что она моя судьба. – Дэниел следил за другом. Ромео встречался с Джулиет? Он не знал, правда это или вымысел со смешным концом. – Она через стол строила мне глазки, горячая штучка даже при их люминесцентном освещении. В течение недели она каждый день ловила мой взгляд, и в последний день я подумал: черт, пора и мне сделать ход. – Ромео говорил с тоской, и Дэниел понял, что он был искренен, хотя и звучало это неправдоподобно. – Но в тот день она не пришла. Больше я ее не видел. До сих пор о ней думаю, знаешь? Потому что мне кажется, что у нас могло что-то получиться.

Дэниел не знал, что сказать.

– Мне… жаль, – выбрал он, но прозвучало это как вопрос. Потерпеть неудачу, будучи так близко к цели, – это особый вид разочарования.

– Я вот к чему, – продолжил Ромео, выходя из задумчивости, – ты по крайней мере попытался. И не должен об этом жалеть, ясно? Ты молодец, чувак. Ты сделал свой шаг.

– Да, – сказал Дэниел, – но повторю: она ничего не видела. Или ей все равно. Как-то так.

Ромео кивнул.

– А она красивая? Твоя женщина?

– Да, – улыбнулся Дэниел.

– Она добрая?

– Думаю, да, – кивнул Дэниел.

– Она работает где-то поблизости?

Дэниел прищурился, гадая, существует ли некая сеть системы безопасности, по которой Ромео мог бы выследить Надю.

– Да, – ответил он, – хоть я и без понятия, где именно. Возможно, ее работа как-то связана с искусственным интеллектом. Я слышал, как она разговаривала об этом в день, когда я ее впервые увидел.

Ромео протянул руку Дэниелу для пожатия в знак прощания.

– Если она работает где-то рядом, возможно, она тебя еще удивит. Не хочу показаться чудиком или кем-то подобным, но я считаю, что для настоящей любви нужна вера.

– Вера, – повторил Дэниел. Он ценил, что Ромео воспринял его положение всерьез. – Ладно.

– Буду держать за тебя кулаки, брат. Ты совершил крутой поступок.

Двумя утрами позже, с верой пошатнувшейся, но все еще живой, Дэниел прочел почти всю газету к тому времени, как поезд промчался через Энджел, Мургейт и Бэнк. Когда он добрался до колонки «Упущенных контактов», самой последней полосы, он не собирался продолжать чтение, потому что какой смысл? Но два слова попались ему на глаза: «необыкновенно симпатичная». Так он охарактеризовал ее – Надю. Он осмотрел вагон, внезапно почувствовав себя робким и беззащитным. Его тело раньше разума осознало, что он собирался прочесть. Волоски на руках встали дыбом от волнения, шея сзади нагрелась и,

видимо, покраснела.

«Как-то жутко, что ты наблюдаешь за мной, вместо того чтобы подойти и поздороваться, но, может, ты стараешься действовать романтично. Хочу, чтоб ты знал: я не кусаюсь, во всяком случае не раньше третьего свидания, так что не стесняйся. Если считаешь меня необыкновенно симпатичной, то будь смелее: добрый, романтичный и храбрый? Вот мой язык любви. От девушки, которой ты писал, с кофейным пятном на платье с поезда в 7:30 на Энджел».

Дэниел улыбнулся и снова окинул взглядом поезд. Она где-то здесь? Следит за ним, как он наблюдал за ней? Он мог и не видеть ее со своего обычного места у дверей. Дэниел лыбился как идиот и не мог перестать. Он снова раскрыл газету и перечитал ее сообщение. Он знал, что драматичный тон его заметки граничит с чудаковатостью, и оценил ее жест: она назвала его немного «жутким» и превратила это в шутку. Есть в этом что-то… интимное. Круто, что она могла подшутить над ним. А слова об укусе на третьем свидании – это дерзкий флирт. Она тоже сделала ему комплимент, а это что-то да значит. Он совершил первый шаг – и она оценила. И хорошо: ее ответ ободряющий, забавный и добрый. В нужной мере провокационный. Если б Дэниел ее увидел, то подошел бы прямо к ней и сказал: «Давай выпьем сегодня в шесть тридцать!».

Но ее нигде не было. Поезд прибыл на Лондон-Бридж, и Дэниел запихнул газету в сумку. Он высматривал в толпе ее лицо. Был весь внимание, пока шел через станцию, и не утратил бдительности до самых дверей офиса.

– Дэниел! Мужик! Как делишки сегодня, брат?

Дэниел вытащил из сумки газету и сказал:

– Чувак, зацени! Зацени! – Он открыл страницу с колонкой «Упущенных контактов» и указал на ее ответ: – Она написала ответ, мужик! Можешь в это поверить?!

Ромео забрал газету и прочел предназначенный Дэниелу ответ в тишине, – и глаза его округлились от изумления.

– О, да она с характером. Поздравляю!

Ромео протянул руку для рукопожатия, а Дэниел светился от счастья – и из-за объявления, и из-за друга, который знал, как это для него важно. У Дэниела возникло забавное чувство успеха. Успеха и легкой паники: а что теперь?

– Ты должен найти способ переделать эту переписку в реальное общение, – сказал Ромео. – Она просит тебя об этом!

– Да, знаю, – кивнул Дэниел. – То есть… Значит, я жду встречи с ней в поезде, чтобы… подойти и поздороваться, верно?

– Да, – ответил Ромео. – Наверно.

– Наверно?

– Ну… Или, может, стоит немного накалить обстановку, знаешь. Она какая-то нетерпеливая, нет? Думаю, тебе бы немного добавить напряжения.

– Ага… Ну да. В точку. – Дэниел кивнул – и помотал головой, потому что на самом деле не понял, что Ромео имел в виду. – И как же именно?

Ромео свернул газету и протянул ее Дэниелу.

– Напиши что-нибудь в ответ, мужик. Раздуй пожар. Чем сильнее предвкушение, тем ярче оргазм – для вас обоих. Девчонкам нравится такая хрень!

Дэниел согласился.

– Я не девчонка, но мне такая хрень тоже нравится! Романтика – это хорошо, верно? Возбуждение от охоты и все такое?

– Точно, чувак, – подтвердил Ромео.

Дэниел кивнул, уловив суть.

– Итак, если я решу писать ответ, он должен быть в игривом тоне, как ее послание, но при этом – ну, знаешь, когда в приложениях для свиданий люди пишут: «Я не ищу друга по переписке»? Не хочу выглядеть так, будто играю, лишь бы попереписываться, не собираясь реально встречаться.

– В верном направлении думаешь, друг, – сказал Ромео. – Ты абсолютно прав. То есть ты хочешь создать видимость, ну, типа загадки, да? А она должна отыскать решение. Ты говорил, она умная, так что я уверен: она обожает эти игры.

– Да, загадка с решением, но при этом я не хочу выглядеть так, будто жду, что она впечатлит меня. – Лицо Дэниела омрачило воспоминание. – Мой друг Джоэл всегда прибегал к этому приемчику в универе – как это называется, неггинг? Когда ты заставляешь женщину впечатлить себя, претворяясь, что она тебя еще не заинтересовала?

– Неггинг, да, – с осуждением произнес Ромео.

– Это странное психологическое дерьмо, – сказал Дэниел. – Мне она нравится, а теперь я знаю, что тоже нравлюсь ей… О, ну, хотя это и не точно, – дошло до него. – Ей нравится тот, кем она меня представляет, – пока мы не знаем, вычислила ли она меня. Она даже не появлялась в поезде с понедельника, так что…

Ромео поднял руки в останавливающем жесте:

– Даже не думай говорить мне тут, что не уверен, захочет ли она тебя. Захочет, чувак. Я люблю девчонок и все такое, но я достаточно уверен в своей сексуальности, чтобы заявить: ты красивый ублюдок.

Дэниел улыбнулся, вспыхнул и выпрямился во весь рост от этих ободряющих слов.

– Спасибо.

В памяти промелькнуло лицо отца. Отец всегда заставлял его держать голову высоко, всегда верил в него, пока Дэниел не поверил в себя сам.

Ромео протянул руку, и, когда Дэниел ответил тем же, они попрощались в привычной манере – приобнявшись и столкнувшись плечами.

– Сказать по правде, ты и меня толкаешь немного в сторону романтики, – признался Ромео. – Знаешь, у меня тут была пара свиданий с девушкой, которая мне нравится. Может, напишу ей и пожелаю доброго утра, просто потому, что думаю о ней. Здесь ведь нет ничего такого, да? Если чувствуешь, скажи, и всё.

Дэниел кивнул, соглашаясь:

– Хорошо так и поступать с теми, кто нам нравится.

Ромео протянул кулак, чтобы Дэниел мог стукнуть в него своим – другой прощальный жест.

– Мы парни что надо, да? – сказал Ромео, и Дэниел не мог не согласиться.

Любовь витала в воздухе и не давала ему покоя.

Глава 8

Надя

– Я тебя прибью, мать твою! – сказала Надя лучшей подруге в голосовом сообщении. – Не могу поверить, что ты это отправила! Ты настоящая… – Ей не хватало слов. Надя не могла поверить, что Эмма отправила имейл в «Упущенные контакты» от ее имени. – И похмелье не может тебя оправдать. Ты выставила меня какой-то… дешевкой! А еще сексуальной соблазнительницей. Что за хренотень про укусы?! Никто так не шутит аж с девяностых, да и тогда так говорили только чьи-то дядьки-извращенцы. Я сказала это тебе с иронией, но ты в письме забыла о проклятой иронии! Господи. Если ко мне подойдет какой-то семидесятилетний чудик, выглядящий как Пирс Морган и с руками в трусах, я тебя на самом деле убью! Пока я только припугнула, но знай, я действительно убью тебя – и жестоко.

Надя опоздала на работу на час и была в отвратительном настроении. На этой неделе она пришла вовремя только однажды, в понедельник, и с тех пор дважды забывала поставить будильник. Прошлым вечером она со своей командой пила коктейли, а после пригласила давнюю коллегу Наоми на ужин. Они проболтали допоздна, так что Надя практически спала еще до того, как рухнула в кровать в полночь – забыв о будильнике. А это значит, что утром она проснулась вздрогнув, в спешке приняла душ, и ей даже не хватило времени толком оценить, подходит ли ее одежда на полноценный наряд или сидит так, что сегодня ей не удастся казаться классной. Придется начать Новый Порядок, Который Изменит Ее Жизнь, заново завтра. Или, может, в понедельник.

– Не веди себя как безумная! – сказала Эмма, когда наконец перезвонила в ответ на грубое голосовое сообщение. – Миленько получилось. Я оказала тебе услугу! Клянусь, я не делала этого спьяну. Я сохранила сообщение в черновик и отправила только вчера, убедившись, что написано хорошо.

– Написано не хорошо! А ужасно! – заявила Надя, решительно настроенная устроить подруге взбучку за то, что опубликовала заметку без разрешения. «Я не кусаюсь»?! О чем Эмма только думала?

– Нет! Оно хорошее! Я на все двести процентов чую, что он подойдет к тебе. Ты бы уже с ним разговаривала, не опоздай ты на работу! Круто же!

У Нади свело живот от этой мысли: если бы она поехала в офис вовремя, на своем поезде, она могла бы сейчас разговаривать со своим будущим. Однако будущее могло и подождать двадцать четыре часа. Разве нет? А сегодняшний день она потратит на то, чтобы набраться храбрости. Внезапно злость отступила, уступив место волнению.

После разговора с Эммой Надя снова достала газету и открыла страницу с колонкой «Упущенных контактов». Перевела дыхание и перечитала заметку, тщательно вчитываясь в каждое слово.

«Как-то жутко, что ты наблюдаешь за мной, вместо того чтобы подойти и поздороваться, но, может, ты стараешься действовать романтично».

Что ж, неплохо. Этот отрывок в принципе хорош, если уж быть совсем честной. Сойдет за предупреждение, что лучше бы ему не быть чудиком, преследующим ее и все такое. Это Надя могла принять. Граница между большим романтическим жестом и странноватым преследованием, конечно, была весьма расплывчатой, и решающим фактором скорее всего являлось наличие привлекательной внешности и адекватности автора. Однажды Надя читала твит-тред[6 - Твит-треды – цепочки сообщений в Твиттере на одну тему.] о девушке, поклонник которой подошел к ее задней двери (не парадной!) с букетом лилий, поскольку знал, что ей нравятся лилии. Женщина сообщила, что никогда не говорила ему пользоваться задней дверью, а любовь к лилиям никогда не упоминалась в разговорах; и, возможно она слишком остро отреагировала, но у нее возникло чувство, будто все внутри свернулось в узел от тревоги. Двумя неделями позже парня арестовали за то, что он мастурбировал на капот ее машины в три часа утра.

«Хочу, чтоб ты знал: я не кусаюсь, во всяком случае не раньше третьего свидания, так что не стесняйся».

Проклятый ад. Этот отрывок действительно ужасен. Кошмар-кошмар-кошмар. «Я не кусаюсь, во всяком случае не раньше третьего свидания»? Эмма с ума сошла, раз включила это. Фраза провокационна во всех плохих смыслах. Если бы Надя писала подобное, она бы выбрала что-то вроде… Ну, она не была уверена, что именно, из головы повылетали все идеи. Вот почему она отложила написание ответа – так трудно подобрать правильный тон! Но факт, что она не могла решиться это сделать, не означал, что она в итоге не решится. Наверное. Возможно.

Хм. Надя потихоньку начинала признавать отголоски ощущения, что Эмма оказала ей услугу. Определилась бы она когда-нибудь с «совершенным» ответом? Или это как с пилатесом: можно раз за разом откладывать его или наконец разделаться с упражнениями и признать, что прилив эндорфинов – потрясающее чувство.

«Если считаешь меня необыкновенно симпатичной, то будь смелее: добрый, романтичный и храбрый? Вот мой язык любви».

Хм. Тут тоже хорошо. И это Надя принимала. Смотрится так, будто она озвучила свои ценности, а ей нравилось провозглашать, что доброта – ключ ко всему. Доброта, но не за чертой бесхарактерности. Такая доброта, как, например, позволить людям в метро сойти с поезда, прежде чем лезть в вагон; или, если они вместе пойдут в паб с Эммой, он выслушает ее разглагольствования, а потом согласится с ней, независимо от того, о чем шла речь. Подобную историю рассказала Нади ее бывшая начальница Кэтрин. В те времена, когда ее муж был еще бойфрендом, на прогулке с ее друзьями он с сочувствием слушал историю о разрыве отношений, которая все не прекращалась. После Кэтрин поблагодарила его за оказанное внимание, за то, что постарался быть таким же хорошим другом ее лучшей подруге, как она сама.

«Если она важна тебе, то я хочу, чтобы и мне она стала важна», – объяснил он.

По словам Кэтрин, тогда она и поняла, что хочет его в мужья. Надя обожала эту историю. Ей было приятно знать, что мужчины бывают хорошими и заботливыми. Она хранила в памяти копилку историй разных знакомых женщин и заглядывала туда всякий раз, когда ступала на тропу под названием «все мужики одинаковые». Это неправда. Хорошие тоже есть. Может, не все из них такие, но, вероятно, Эмма не ошибалась в своей теории «один из пятидесяти». И Кэтрин, и Наоми выцепили отличных парней. Надя заставляла себя верить, что и ей повезет.

Если бы ей пришлось оценивать объявление по десятибалльной шкале, она бы неохотно присудила восемь с половиной. Эмма потеряла очко за фигню про укусы – Надя ей этого никогда не простит. Но. Может, гипотетически, написание ответа заняло бы у Нади недели, а сейчас по крайней мере что-то опубликовано.

Надя позволила себе слегка улыбнуться.

«Возможно, он читает мой ответ в этот самый момент, – подумала она. – Может, думает обо мне, как и я – о нем».

И такая мысль не была неприятной. Фактически она казалась Наде на странность ободряющей.

Что он предпримет в ответ?

Глава 9

Дэниел

– Мне реально придется попросить тебя отвалить, – сказал Дэниел Лоренцо, наливая кипяток в свою любимую чашку с логотипом «Арсенала». – Я не собираюсь читать руководство по свиданиям. Ни в коем случае.

Он прошагал мимо соседа к холодильнику, достал пластиковую коробку с молоком и слегка покачал ее в руке, отметив, что она подозрительно легкая. Он многозначительно посмотрел на коробку и драматично вздохнул.

– Лоренцо, ты что, поставил пустую коробку из-под молока обратно в холодильник?

Лоренцо посмотрел на коробку, а затем на поднятые брови Дэниела.

– Вот запас на черный день, – пожав плечами, ответил он, выдвигая ящик, где хранились однопорционные баночки ультрапастеризованного молока, натасканные с отельных завтраков и из буфетов. Дэниел уже не помнил, как началась эта игра, но теперь образовался отдельный ящик для «трофеев» из баночек с долгоиграющим молоком. И все чаще туда попадали и маленькие пакетики. – Они в тренде. – Лонерцо осознал это однажды, когда привез с празднования свадьбы в Эдинбурге сразу десять пакетиков. – Пакетики куда проще открывать. А еще они экологичнее.

Иногда они вообще не покупали настоящее молоко, держась на запасах из ящика. Но еще страннее было то, что Дэниел и Лоренцо ни разу не говорили об этом. Копилось и копилось. Нет молока в холодильнике? Время для «молочного ящика». Обычно его час наступал в конце недели, в пятницу, так что по крайней мере сегодня они были последовательны в своей непоследовательности в покупке молока.

В качестве молчаливого извинения Лоренцо протянул легко открываемый пакетик. Дэниел взял, покачав головой. Порой казалось, их отношения развиваются в динамике Джоуи и Чендлера, и это едва ли хорошо.

– Я говорю, просто взгляни, – сказал Лоренцо. Он взял пакетик и себе, зубами открыл его и выпил за один глоток.

– Оно для девчонок! – продолжил Дэниел. – Предположительно для девчонок, которые хотят кадрить парней. Я не хочу кадрить парней! – Он держал чашку с чаем за ободок, но, осознав, что слишком горячо, схватился другой рукой за ручку. – Будь я девчонкой в поисках парня, я бы оценил эту книжку, но поскольку я не девчонка, то справлюсь сам, без книги. – И добавил, словно защищаясь: – Мне не нужна в помощь книга, чтобы заговорить с женщиной.

Лоренцо поднял книгу «Подцепи себе парней!» со стола, где оставил ее для Дэниела прошлым вечером.

– Я говорю только, – нараспев произнес Лоренцо, – что на работе все отнеслись к автору так же скептически, как и ты. Кроме одной женщины, которая его и заказала. Одной за другой, она раздала экземпляры пяти девушкам в отделе, и все они применили на деле советы, – он взглянул на обложку, чтобы вспомнить имя автора, – Гранта Гарби. Теперь все они помолвлены.

– Но, – Дэниел прикрыл глаза, как будто очень-очень устал, – они женщины. Охотящиеся на мужчин.

Лоренцо покачал головой:

– Ну, видишь ли, я подумал, мне стоит взглянуть на нее, знаешь, чтоб изучить, ведь пиарить книги – моя работа, даже если бы я не пиарил конкретно эту. Чтобы изучить рынок и все такое. И он чертов гений, этот Грант Гарби. Он еще блог на ютубе ведет. Блог медленно рос, но с тех пор как вышла книга и слухи распространились, он распродался стотысячным тиражом. Девчонки без конца рекомендуют ее, но сам Грант считает, что и парням следует прочесть эту вещь.

Дэниел допил чай и поставил пустую кружку в раковину, где она пролежит два дня, пока он наконец не сдастся в своем посудомоечном противостоянии с Лоренцо и не разгребет завал сам, освободив таким образом место для грязной

посуды, заполонившей всю кухню, – и далее все пойдет по новому кругу.

– Зачем тебе помощь в соблазнении женщин? Это буквально единственное, в чем ты хорош.

– Грубо, – сказал Лоренцо, лишь вполовину оскорбившийся. – И, друг мой, вот что и делает меня таким успешным – постоянная практика.

– Постоянная практика.

– Именно. Христиане не ходят в церковь лишь однажды и не заявляют потом, что они христиане на веки вечные. Они ходят в церковь каждое воскресенье, продолжая исповедовать свою религию. Я не Казанова, потому что мне несколько раз повезло с девчонками. Но я Ищейка, потому что практикую навыки, необходимые для этого.

– Отвратительно, – сказал Дэниел, посмотрев на часы. – Никто не называет тебя Ищейкой.

– Я сам себя так называю.

– Повторюсь: это отвратительно.

Лоренцо перегородил Дэниелу выход с их общей кухни.

– Слушай сюда. Я, мать твою, о тебе забочусь, мужик. Держу кулаки, чтоб у тебя все получилось. Ясно? И я говорю: прочти книгу.

Дэниел посмотрел другу в глаза, и тот внезапно, словно ощутив неловкость от такой искренности, отвел взгляд и отошел в сторону. Их отношения не были простыми, но Лоренцо определенно стал решительнее после смерти отца Дэниела, и теперь он решил, что его нынешняя цель – заставить Дэниела что-то предпринять с его одобрения. Заботу Лоренцо мог понять только сам Лоренцо.

Дэниел взял книгу и сказал:

– Ладно, взгляну.

Лоренцо похлопал в ладоши, в возбуждении оттого, что ему удалось еще одного человека подчинить своей воле. Дэниелу стало интересно, не в книге ли он этому научился.

– Глава шесть, приятель, вот эта. Готов побиться об заклад дважды, что ты применишь ее в деле.

– Глава шесть, – сказал Дэниел. – Хорошо.

По пути на работу Дэниелу казалось, будто огромный прожектор направлен на его сумку, указывая на то, что там лежит руководство по свиданиям. Он был бы уничтожен, если бы его кто-то заметил, и боялся, что одно неловкое движение – и сумка сползет с плеча, продемонстрировав свое содержимое на суд всем пассажирам в метро. А что, если увидит она? Надя? Паранойя разрослась до таких масштабов, что он едва не поверил, будто полиция по руководствам для свиданий обыщет каждый вагон, требуя, чтобы все, у кого с собой руководства по свиданиям, сделали шаг вперед. Он представлял, как объявляет всем, в том числе Наде, что у него с собой экземпляр книги «Подцепи себе парней!», а после никогда больше не сможет спуститься в метро. Он взял руководство, чтобы то помогло ему с Надей, но если она его увидит, то все закончится и не начавшись, – Дэниел в этом не сомневался.

Он вздохнул с облегчением, не заметив ее сегодня в поезде.

– Мужик, как сегодня поживаешь? – спросил Ромео, когда Дэниел проскользнул сквозь стеклянные двери башни.

– У меня руководство по свиданиям! – провозгласил Дэниел, отчаянно желая с кем-то – кем угодно – поделиться этим. Он больше не мог совладать с чувством вины. Ему требовалось отпустить этот грех.

– Рад за тебя! – сказал Ромео, совершенно не обеспокоенный внезапным ответом Дэниела. В этом весь Ромео: он был счастлив просто потому, что он жив и все живы.

Дэниел нащупал в сумке книгу и вытащил ее, чтобы показать Ромео.

– Называется «Подцепи себе парней!» – в панике произнес он. – Лоренцо вынудил меня взять ее с собой.

– О! – Ромео взял книгу. – Добрался до шестой главы? Моя сестра читала ее и сказала, что шестая глава изменила ее жизнь.

– Шестая глава? Нет-нет, я не читал шестой главы. Я вообще ни одну не читал! – Дэниел покачал головой. – Мне не нужно читать руководство по свиданиям!

Ромео пожал плечами, полистывая книгу.

– Ну а какой от нее вред? – резонно заметил он. – Если она тебе не нужна, чего ты бесишься, нося ее с собой?

Дэниел нахмурился.

– Мне пора, – он забрал книгу и снова засунул ее в сумку. Затем прильнул к Ромео и прошептал: – Никому ни слова. – А после удалился.

«Ждать того, кто тебе понравится, чтобы начать флиртовать, – все равно что выйти на сцену, чтобы выучить ноты», – гласила шестая глава. Дэниел просидел за своим столом десять минут, прежде чем попросил Перси забронировать ему переговорную – наиболее уединенную, в углу, где никто не будет сновать мимо ее стеклянных стен. И вот он сидел, нянчясь с этой книгой. Во вступлении объяснялось, что руководство предназначено для гетеросексуальных женщин, но в действительности Грант Гарби работал и с мужчинами тоже, потому что в основе всего лежит человечность, и все мы люди.

«Кроме Лоренцо», – мрачно подумал Дэниел, отчего в нем сразу же проснулось чувство вины.

Шестая глава представляла собой главным образом список советов по флирту – и, что еще важнее, по флирту с незнакомцами. Дэниел ушел в нее с головой, несмотря на свои заявления.

«Когда вы на протяжении длительного времени ни с кем не встречались, у вас может возникнуть ощущение, что свободных мужчин почти не осталось, – говорилось в книге. – Но шанс обрести друга среди незнакомца – повсюду. Вам просто нужно пересилить себя и заговорить с ними».

Первый совет прост: установить зрительный контакт. Дэниел обдумал эту мысль. Перехватывать взгляд человека – это довольно смело. Ему больше свойственно смотреть под ноги, направляясь по своим делам, так что он едва осознавал, кто попадается ему на пути. Разве это не… норма?

«Ладно, это я могу, – подумал Дэниел. – Зрительный контакт. Легко».

Он положил книгу на стул рядом с собой, накидав сверху несколько листков, в которых прятал книгу, пока нес сюда, и перевернул вывеску на двери на «занято».

Дэниел прошел на кухню для персонала в дальнем конце этажа. Книга не врала: по привычке он либо опускал взгляд на обувь, либо устремлял его строго вперед, к самому пункту назначения. Книга ставила вопрос: выглядит ли он в таком состоянии дружелюбным, человеком, к которому захотят подойти?

«Веское замечание, – размышлял Дэниел. – Хорошо».

Он вошел на кухню, с минуту притворялся, будто что-то ищет, а потом решил выпить стакан воды. После развернулся и последовал обратно к переговорной – но теперь шел медленнее. Он заставлял себя смотреть по сторонам, из-за чего чувствовал себя выставленным напоказ и уязвимым. Но потом он увидел Мередит, бойкую женщину тридцати с небольшим лет, занимающую аналогичную ему должность, только в другой команде.

«Ха! – подумал Дэниел, быстро отводя взгляд. – Зрительный контакт!»

Книга велела улыбаться, не бояться узнать кого-то и, может, поздороваться. Сама по себе идея не была радикальной – по существу, Грант Гарби выступал за вежливость, – но вызывала неловкость. Это все равно что повесить табличку «В активном поиске», что само по себе отстой, разве нет? Дэниел пошел дальше. Бросил взгляд через плечо, но Мередит уже ушла. По крайней мере она не пялилась ему вслед, думая, какой он чудак.

«Ладно. Следующему человеку, с которым я встречусь взглядом, я улыбнусь», – наказал себе Дэниел. И поймал взгляд Перси, уставившегося на него. Дэниел широко улыбнулся.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Я… улыбаюсь, – ответил Дэниел.

– Почему ты ходишь туда-сюда по коридору, будто только что заметил, что у тебя есть ноги?

– Нет, – сказал Дэниел. – Я не… э… я…

Перси смотрел на него, пытаясь понять, что он хочет сказать. Мередит прошла мимо них и робко проронила:

– Привет, Дэниел, – и пошла дальше.

– Привет, – ответил Дэниел ей в спину. Она взглянула на него, обернувшись, и удалилась.

Перси посмотрел на Дэниела, потом на Мередит.

– Странно, – пробормотал он себе под нос, отправившись отвечать на телефонный звонок.

Во время ланча Дэниел пошел на рынок с единственной целью – научиться устанавливать зрительный контакт. У него это толком не вышло с Мередит – он забыл улыбнуться! – однако она сочла для себя обязательным найти его и поздороваться. Теперь Дэниел понял, в чем суть, – если он станет больше практиковаться быть смелее с женщинами, то, когда придет время заговорить с Надей, он ничего не испортит. Устанавливать зрительный контакт и разговаривать с незнакомцами – и, как учит шестая глава, набираться храбрости вести легкую беседу с ними – это все, что требуется для создания Скелета Флирта, а тот силен у людей, которые тренируются.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Намасте – индийское и непальское приветствие; на занятиях йогой учителя обычно таким образом приветствуют свою группу. – Здесь и далее: примеч. пер.

2

Натуральный дезодорант из алюмокалиевых квасцов в виде прозрачного камня.

3

Многофункциональное устройство – устройство, сочетающее в себе функции принтера, сканера, факсимильного устройства, копировального модуля.

4

Базарган – блюдо на основе пшеницы с перцем чили и другими специями, с поджаренными грецкими орехами и с добавлением меда.

5

Участники выбирают себе пару из присутствующих на встрече после короткого знакомства со всеми по очереди.

6

Твит-треды – цепочки сообщений в Твиттере на одну тему.

Купить: https://tellnovel.com/uil-yams_lora-dzheyn/nasha-ostanovka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити